



10 JANVIER 1936

**LES COSAQUES LIBRES**

IX<sup>e</sup> ANNEE

10 ЯНВАРЯ 1936 г.

**190**

10 СІЧНЯ 1936 р.

**ПАРИЖ**

**PARIS**

ГОД ИЗДАНИЯ 9-й

РІК ВИДАННЯ 9-ий





## Содержание:

1. **И. К. Скубани:** Рождение Христа.
2. **Сергей Маргушин:** Дух Степана Разина.
3. **Сергей Чепурной:** К Новому Году.
- 4 Мечта.
5. **Владимир Куртин:** Походному Атаману ВК на Новый Год.
6. Праздник Вольного Казачества.
7. Признание врага.
8. Свидетельство врага.
9. Трагедия Казачества.
10. **Николай Посохов:** Пути предков.
11. **Чужоинец:** Борьба Яицкого Казачества за автономию в 18 веке (до Пугачева).
12. Думы и мысли.
13. Казачья эмиграция.

## Почтовый ящик:

Сенон. И. Ч. Получено. Большое спасибо. Привет.  
Бельгия Н. Б. Получено. Будет исполнено. Привет.  
Лион. К. Получено. Спасибо. Привет.  
Холливуд. В. М. Исполнено. Привет.  
Тальянс. С. С. Получено. Спасибо. Привет.

Крезю. Л. П. Получено. Спасибо. Привет.  
Лион. В. К. Получено. Спасибо. Привет.  
Лонгеваль. И. П. Получено. Спасибо. Привет.  
Бийанкур. А. З. Получено. Спасибо. Привет.  
Чехия. Е. М. Спасибо. Привет.

ВСЕМ ПОЗДРАВИВШИМ ПОХОДНОГО АТАМАНА ВК С НОВЫМ ГОДОМ И ПРАЗДНИКОМ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА —  
СЕРДЕЧНОЕ СПАСИБО!

## К а з а к и - в н и м а н и е !

Парижская ВК имени А. И. Кулабухова станица устраивает 12 января в 2 1/2 часа дня открытое собрание, на котором

ПОХОДНЫЙ АТАМАН ВК ИНЖ. И. А. БИЛЫЙ  
сделает доклад на тему:

ЗАДАЧИ И РОЛЬ КАЗАЧЬЕЙ ЭМИГРАЦИИ  
В ПРЕДСТОЯЩЕЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЕ

Собрание состоится в помещении:

« *Maison de la Mutualité* », 24, rue Saint-Victor, Paris, 5.  
Métro : *Pl. Maubert* ou — *Cardinal-Lemoine*.

На покрытие расходов — 1 франк. Безработные казаки — бесплатно.

### КО ВСЕМ ВОЛЬНЫМ КАЗАКАМ.

Редакция «В. К.» приступает к печатанию отдельного издания III части «Трагедии Казачества». Эта третья часть будет по крайней мере в два раза больше II части. Кроме того, такое издание в Париже вообще стоит дороже, чем в Праге. — **НУЖНА ПОМОЩЬ.**

Как могут казаки помочь делу? — Весьма просто: пусть каждый, за кем числится долг за журнал, заплатит его теперь же. Пусть каждый тот, кто может, внесет подписку на следующий 1936 год, не откладывая дела в долгий ящик.

А главное — пусть каждый вольный казак приобретет себе III ч. «Трагедии Казачества», уплатив теперь же ее стоимость. Стоимость эта, предполагается, будет равна 15 фр. франкам или 1 америк. доллару.

Кто будет платить за журнал, пусть сразу платит и за III часть «Т. К.»

Из-за границы, вместо посылки 1 доллара, можно посылать в письме 10 международных почтовых купонов.

Во Франции небольшие суммы можно присылать в письмах почтовыми марками.

### КО ВСЕМ КАЗАКАМ

По инициативе вольных казаков решено поставить хотя скромный памятник герою восстания донских казаков в 1918 году, первому взявшему Новочеркасск, умершему 16 сентября 1934 года здесь, за границей, генералу **М. А. Фетисову**.

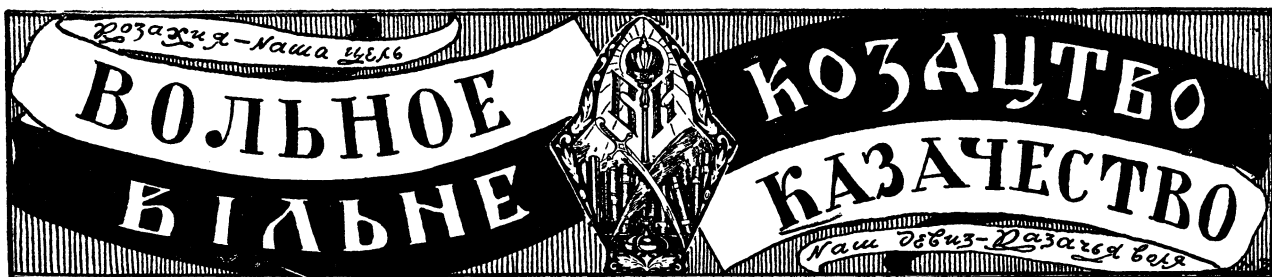
С этой целью в городе Сансе образована особая комиссия, в задачу которой входит собрать нужные средства, купить необходимое место на кладбище, перенести туда прах покойного и поставить самый памятник.

В состав комиссии вошли: председателем — **А. А. Ченцов** (казак ст. Андреевской), казначеем — **А. П. Киреев** (ст. Нижне-Курмоярской), членами — **П. А. Текучов** (ст. Верхне-Курмоярской) и **И. А. Ченцов** (ст. Андреевской).

Все казаки приглашаются внести хоть небольшую лепту на сооружение памятника донскому герою, казаву ген. **М. А. Фетисову**.

Пожертвования направлять по адресу казначея комиссии **А. П. Киреева**:

**М. А. Kireeff, 16, rue Beaurepaire, Sens (Yonne), France.**



## — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый

Редакция и администрация: 10, Rue Victorien Sardou, Paris (16)

№ 190

Пятница 10 января 1936. — Пятница 10 січня 1936.

№ 190

**И. К. Скубани**

### Рождение Христа

Звезда, посланница Эдема,  
Горя на куполе ночном,  
Пещеры темной Вифлеема  
Коснулась радужным лучем.  
Там, в яслях, на пахучем сене,  
Дитя лежало близь овцы...  
Пред ним, упавши на колени,  
Склонились маги-мудрецы.  
Они пришли сюда с Востока  
Через пустыни и моря  
Затем, чтоб с верою глубокой  
Почтить Небесного Царя.  
Душистый ладан, смирну, злато  
В дар принесли Христу волхвы,  
А Он сиял на сене смятом  
Чудесным нимбом у главы...  
С небес, разлившихся в эфире,  
Неслась божественная песнь —  
То пели ангелы о мире  
И о любви, рожденной днесь.  
И замер зверь неукротимый,  
И человек сдержал свой вздох —  
Все внемлют пенью херувимов  
И ловят весть: «Родился Бог!..»

И донеслася радость Мира  
В дворец Правителя в стране...  
И приказал могучий Ирод  
Войскам готовиться к резне:  
«Казнить малюток в Вифлееме,  
Найти Христа и растерзать, —  
Да знают жители, что всеми  
Лишь Цезарь может управлять»...  
И день и ночь центурионы  
Рубили в городе детей —  
И крик безумия, и стоны  
Терзали груди матерей.  
Трава от крови увядала  
Лазурь небес не видел глаз,  
Но крови все казалось мало  
И к новым казням звал приказ.  
И, злую волю соблюдая,  
Несли солдаты страх и жуть...  
А между тем Семья Святая  
В Египет свой держала путь...  
Господь рожденного Младенца  
От страшной смерти сохранил,  
Чтоб Он людей с жестоким сердцем  
Любить и верить научил.

**Сергей Маргушин**

### Дух Степана Разина

(Рассказ сотника)

Людская толпа сильна, как вода, но...  
Не дай Бог попасть на суд толпы!.. Это тысяче-  
головое сборище двуногих растерзает тебя на клочки...  
Перед судом людской толпы пришлось и мне од-  
нажды быть в качестве «подсудимого» и если бы не  
дух Степана Разина — меня давным бы давно не  
было в живых...

Было это в конце 17-го года. Фронт Великой

войны русской армией был уже брошен. Русская ар-  
мия направилась в глубь России «углублять» свою ре-  
волюцию. Крупные центры Великороссии учредили у  
себя большевицкий образ правления, признав власть  
Ленина и Троцкого. Весь большевицкий актив был бро-  
шен для пропаганды навстречу катящейся лавине рус-  
ских солдат, спешивших не опоздать к дележу земли  
и грабежу помещичьих усадьб. Вся эта сермяжная ла-

вина двигалась переполненными поездами длиннейших составов, в битком набитых вагонах. Станции, полустанки, прилегающие к ним города и деревни — буквально были загромождены разнузданной пьяной солдатней. Всюду красные банты, ленты, флаги, митинги и речи — речи без конца!.. Везде кровавая расправа солдат над офицерами... Самосуд толпы над «буржуями», казаками и «кадетами»...

В такой обстановке нашему полку пришлось возвращаться с фронта домой. На одной из станций командиром полка было послано несколько казаков с офицером во главе к представителям железнодорожной власти для предъявления соответствующих документов на передвижение воинской части по железнодорожному пути, как это требовалось по заведенному раньше порядку. Железнодорожный совет рабочих и солдатских депутатов «приказал» казачьему полку сдать оружие красному гарнизону русских солдат, а казачьих офицеров препроводить под конвоем в здание совета. Офицер покрыл совет «густым матом», а казаки дали несколько залпов в воздух, как доказательство отказа исполнить «приказание», и скрылись в ту сторону, откуда появились.

Полк двинулся опять походным порядком, но уже при соблюдении всех правил боевой обстановки. Весь путь следования от Двины и до Дона полк высылал раз'езды, походные головные, боковые и тыловые заставы, а при ночлеге или дневке выставлял отдельные сторожевые заставы и наряжал при полной боевой готовности дежурную сотню. На фронте от неприятелей немцев не всегда мы охранялись так, как теперь в тылу от «товарищей» русских.

Однажды я был послан с раз'ездом разведать лежащую по пути деревню. Задача раз'езда простая: достигнув деревни, донести: 1) занята-ли она воинскими частями, — если занята, то какими? 2) узнать общее политическое настроение жителей деревни и 3) по исполнению задачи, присоединиться к полку. Делалось это для того, чтобы не лезть полку «на рожон», а избегать вооруженных столкновений с кем бы то ни было. Цель полка — добраться скорее на Казачью Землю, а не делать «в чужом пиру похмелье».

С раз'ездом в семь коней я дошел до указанной деревни. Дозор донес, что деревня никем не занята, даже и жителей никого не видно. Показалось подозрительным... Решил удостовериться лично, проехав деревню из конца в конец. Еду во главе раз'езда уже без дозора; большая грязная русская деревня. Курные избы. Длинная загазгами улица. Ни одной человеческой души, как после чумы, будто вымерло все... Но чувствую, что все дышит большевизмом... Даже поросята, преследуя свою мать, — с целью «социализации» молока, — ежась от холода, как мне казалось, выкрикивали: «боль-ш-вик! боль-ш-вик!»

Предчувствия меня не обманули: вся деревня, от стара и до мала, была на церковной площади. Трехтысячная толпа крестьян, матросов и солдат с затанцованным дыханием слушала зажигательные речи, приехавших из Петрограда большевистских агитаторов. Среди площади на четырех столбах возвышалась насколко сколоченная высокая трибуна с развевающимся красным флагом, окруженная плотным кольцом вооруженных «до зубов» солдат. С этой трибуны «товарищи» бросали в темную массу свои лозунги: «Смерть казакам-опричникам!..» «Грабь награбленное — убивай буржуев!» Здесь же производился и «народный суд»...

Обвиняемого выводили на трибуну и голос «народа» решал: пустить его на свободу или столкнуть вниз с трибуны на расправу раз'яренной толпы... Вернее — был не суд, а самосуд...

Вот я и вывернулся из-за угла прямо на площадь. «Втяхался, как курочка во щи!»...

— Воть они!.. Воть они!.. Кровопийцы-казаки!... — заревела толпа... — Лови их!.. Держи их!..

Я крикнул казакам — «Ребята, уходи!» А сам задержался. Неудобно, как то, было, как начальнику, удирать первому.

Меня окружили... Схватили за поводья... Я дал плетью через голову... одному... другому... Сзади вы-

стрел, револьверная пуля пересекла в руке повод удержки и ранила меня в пальцы. Мужичье стянуло меня с коня. Протиснувшиеся солдаты схватили меня и повели на площадь через расступившуюся толпу. Повели прямо на суд — к трибуне... Ведут. А по обеим сторонам толпа, как море в непогоду, рвет и мечет: «Смерть чиге остропузой! Смерть кровопийцам казакам — палачам 905-го года!..»

Следом за мной ведут моего боевого друга — коня. Конь был донских заводов — из Провалья. На полях Галиции, бывало, как вихрь носился я с ним в огонь и из огня... В ночные раз'езды над пропастью, в Карпатах, как змея, скользил неслышно... А под грохот кононад — не раз с ним Вислу переплыл... Не конь был, а огонь...

Ведут... Мои силы слабеют... Из раненных пальцев льется кровь... Спазмы давят горло... Вдруг в душе у меня запел какой-то неведомый голос знакомую песню. Сначала пел тихо, потом все сильнее и сильнее...

«Вот толпа заколыхалась...

Проложил дорогу кнут, —

Той дороженькой на плаху

Стеньку Разина ведут...

С головы казацкой сбриты

Кудри черные, как смоль,

Но лица не изменили

Страх пытки, казни боль!..

Так-же мрачно и сурово,

Как и прежде, смотрит он!..

Перед ним былое время

Восстает, как яркий сон...

Дона Тихого приволье

Волги-матушки простор...»

Я сразу ожил. По моим жилам забурлила кровь! Я почувствовал в себе прилив какой-то неведомой силы... Пропал страх предстоящего самосуда! Я чувствовал себя великаном по сравнению с этой раз'яренной толпой. Мои ослабевшие нервы стали — как железо. Из раненой руки перестала течь кровь... В меня вошел дух Степана Разина... А голос все пел:

«Не придется с этой силой

Силу ратную встряхнуть —

Воевод, бояр Московских

В три погибели согнуть!..

Вот и помост перед Стенькой —

Разин бровью не повел

И на верх он по ступенькам

Бодрой поступью пошел!..»

Подвели и меня к трибуне... Коня привязали к столбу, а меня два солдата поволокли вверх по лестнице на трибуну...

«Воть сейчас на смертной плахе

Срубят голову мою

И казацкой кровью алой

Русский помост я полью...»

Протянул последнюю ноту голос... и смолк. Я глянул вниз на коня — он тихо заржал, как будто бы этим сказал свое последнее «прости»... А толпа ревет: «Смерть чигоману!!! Толкай его сюда!!!»

Солдат надел шапку на острие штыка винтовки и поднял ее вверх. Толпа стала затихать. Рыжая, короткохвостая большевичка с задорно вздернутым вверх носом, с серыми, как два плевка, глазами — обратилась ко мне:

— Товарищ казак, народ требует вашей смерти! Скажите ему свою последнюю исповедь. Скажите последнее слово русскому народу — тому народу, которого вы, казаки, на протяжении целых веков угнетали. Вы были слугами царя, человеко-лошадью, вечным гарцевали и русскому люду угрожали. Вы были сторожевыми псами Российской Империи! — закончила она свой прокурорский приговор.

Я молчал... собирался с силами.

— Ну — ну, ввы-коо-лу-ппы-вай! — Захрипел на меня солдат, похожий на гориллу, вскинув винтовку...

— Русские люди! — обратился я твердым голосом к еще не смолкнувшей толпе. — Я, без вины «вино-

ватый», предстал перед вашим судом!... Не приказ царя исполнить с раз'ездом ехал я сюда. Не митинг разгонять была моя задача. Теперь свобода — вольным воля, рабам — цель! Моя задача — отвести полку кватире. Сюда идет казачий полк!!!

Последние слова заставили толпу смолкнуть и насторожиться.

— Вина моя в том, что я родился не русским, а казаком, продолжал я, отчеканивая каждое слово. — Виноват я потому, что по моим жилам течет казачья кровь степных рыцарей, а не русских крепостных крестьян. Я — сын вольного — с предвека веков — казачьего народа! Вы же — вековые рабы были, есть и будете. Ваши отдаленные предки раболопно кланялись варягам, прося их приходить, княжить и «володеть» ими. И пришли варяги и «володели» ими! Навалились татары и они были рабами. А ваши бояре и вчерашние дворяне меняли вас, крепостных крестьян, на породистых собак и целые семьи проигрывали в карты. Правом брачной ночи русской девушки-крестьянки пользовался барин, а не муж. Вы не протестовали. Только сильным духом одиночки бежали на Казачьи Земли, к нам, где не было крепостного права, где был закон равенства, где была Воля и уважение к человеческой личности. Между вами и нами всегда была пропасть! На протяжении целых веков эта зияющая пропасть заполнялась вашими и нашими трупами. Заливалась вашей, русской, и нашей, казачьей, кровью. За независимость своих народов лучшие сыны Казачества, Украины, Кавказа и Сибири ложили свои головы у вас на московской плахе или гнили в казематах ваших тюрем...

Голос мой гудел, как колокола. Звуковые волны, ударяясь о церковную стену — раскатистым эхом разносились по деревне. Окровавленные полы чекменя, как крылья, подымались от дуновения ветерка. Я был похож на дьявола. Царила гробовая тишина...

— Ваши предки выжгли Дон... — гремел я. Разорили Запорожье! Залили кровью Яик... все Поволжье! Казачий народ, покоривши, вы превратили в сословие, а всемирно известную казачью конницу посылали на подавление восстаний покоренных вами народов и для охраны границ вашего государства... Но, связывавшая нас с вами русская императорская цепь ныне распалась. Вы и мы теперь свободны. Мы, как прежде, отделимся от вас и создадим свое Казачье государство. И если вы теперь, русские, как и прежде, попытаетесь завоевать нас, казаков, — будет бой! Жестокий бой. Вы многочисленнее. Может быть мы,

как в старину наши предки, — уйдем в эмиграцию... Может быть... Но это будет последнее историческое испытание!.. Последний казачий урок, который научит эмиграцию европейскому опыту для своего Казачьего государства, а оккупированный вами казачий народ научит сильнее любить свое Казачье и ненавидеть вас, как оккупантов. Из горнила этих испытаний Казачество выйдет закаленным, как железо, и создаст свое Казачье государство...

— Вот вам вся моя предсмертная исповедь! — Теперь терзайте меня! Рвите на клочки! — орал я во все горло... — Знайте, что, убив меня, вы не убьете во мне духа Степана Разина, как не убили его ваши московские бояре! Знайте, что за мою кровь — вы заплатите своею кровью... Казаки моего раз'езда дали теперь знать полку, что идет в авангарде; полк передаст главным силам и вся наша конная Сводно-Казачья дивизия донцов, кубанцев, терцев и астраханцев с артиллерийским дивизионом оренбуржцев и уральцев — направится сюда. От вашей деревни останется мокрое место. Мозги раскромсанных ваших голов смешаются с пеплом сожженных ваших изб!...

— Отпу-уу-стиитья его! От-ппуу-стиитья его! — завопила многоголовая толпа.

В это время раздался оглушительный взрыв... Посыпались стекла церковных окон... На полустанке, в шести-семи верстах от деревни пьяные солдаты подожгли склад снарядов. Поднялась кононада...

— Наа-ччи-нается!! — заревел я.

Толпа вздрогнула и заколыхалась... Завыли бабы, держа на руках грудных младенцев.

— Деревня, см-и-р-но! — скомандовал я громовым голосом.

И под гробовое молчание еще недавно свирепой, готовой растерзать меня, толпы — я торжественно сошел с трибуны. Сел на коня. Дал знак рукой — толпа расступилась.

— Шапки долой! скомандовал я. На колени!... вашу мать!!!

И, отвалившись важно на заднюю луку, как Пугачев в Белогорской крепости в образе Петра Ш, я проехал между толпой, обнажившей головы...

За деревней казаки моего раз'езда строили планы моего спасения, переодеваясь в платье мужиков...

С раз'ездом я опять присоединился к полку. Полк взял другое направление.

С тех пор прошло восемнадцать лет, но Дух Степана Разина живет во мне и поныне...

**Сергей Чепурной**

## К Новому Году

Край Родимый — с Новым Годом!  
С новым счастьем пред восходом  
Дней былой мечты казачей,  
Дней счастливых в жизни нашей!

Верь, придет конец изгнанию  
И казачьему страданию!..  
Новый Год несет с собою  
Встречу мне с моей мечтою...

Эх, мечта, мечта о счастье!..  
Лишь одна она в ненастье  
Сил дает мне и терпенья —  
Веру в дни освобождения...

Я, как все, бокал хрустальный  
С старым годом в час прощальный  
Хмельным ядом наполняя,  
Осушу за счастье Края.

А потом, уже пьянея,  
Ни о чем не сожалея,  
А влекомый любви властью  
Ей отдамся со всей страстью  
И скажу — соединимся  
И скорей туда умчимся,  
Где царят оков объятья —  
В Край, где стонут мои братья...

Миг пройдет — один останусь,  
Я с мечтой опять расстанусь  
И в своей тоске суровой  
Буду ждать год встречи новой.

**Сергей Чепурной**

## Мечта

Новогодний бокал поднимая  
Я за счастье оставшихся там,  
С болью в сердце привет посылаю  
Моим милым далеким степям.

Степи, степи! Родимые дали!  
С каждым днем я люблю вас сильнее —  
Вас за то, что вы много страдали,  
Что вы цель горькой жизни моей.

Если-б были палаты, богатства —  
Все отдал-бы, чтоб только-бы к вам  
Вновь вернуться, совсем вам отдаться,  
Чтобы вместе идти к светлым дням.  
Чтобы знать пред уходом из жизни,  
Что над вами луч светлый блеснит,  
Чтобы видеть дни счастья отчизны  
И над ней Воли стяг как висит...

Хочу верить, что все-же вернусь,  
Вновь увижу цепь милых картин...  
Мне не стыдно — я этим горжуся,  
Потому что я кровный ваш сын.

**Владимир Куртин**

## Походному Атаману ВК на Новый Год

...Проходят, проходят, проходят...  
День за днем... День за днем...  
Проходят, проходят...

**АТАМАН!**

Чуешь стук костлявых ног времени?...  
День за днем... День за днем...  
Звенят залитые гноем и кровью оковы. Сивым туманом всклубилася даль... Слышен свист комиссарского стека, лягт обоймы...

...Кто-то стонет? — Нет, то кровь стынет в льдистых болотах.

...Кто-то плачет? — Нет, то в раскрытых родных куренях сыч бездомный души усопших считает:

Раз!.. Два!.. Раз!.. Два!..

**Безь конца.**

Снежною мглой покрыта равнина. Ветер с Подонья сметает сугробы. —

Боярские гнезда... Дворянские гнезда...

— Сарынь на кичку!

— Р-раз!.. Два...

— Гей, Казачество Вольное! Молодцы Атаманы!.. Вперед!... Тресанем!...

...Стонет кулик над трясиной равниною. В зное и крови река. — Хлюпают волны чешуйчатой рябью. За волной набегаёт волна. Свесились до земли руки. Лямка схватила за горло. В тусклых глазах равнодушие раба...

— Этот ли крик у них песней зовется? —

— Еще — разик...

— Безь конца?

— Безь конца!

А в Святом Кремле гудит колокол:

Свободу хоронят.

— Навсегда?

— Навсегда!...

За курганом курган а там — степь да могила... Из могилы — казак...

— Казак?!..  
— Да, казак!  
— Опять?!  
— Опять!..

...Гул тяжкий орудий. Взрыв снарядов. Вой пулеметов...

Полк за полком... Полк за полком... Смелые. Гордые... С песней и смехом...

...Падают, падают...

Прекрасные. Юные... Драгоценнейший цвет с цветных полей Вольных Степей... и утесов Кавказа...

Падают... Падают...

Далеко уж казачья лава. В тьме осталась родимая степь. Поредели полки...

— Сомкнись!.. На врага!

Ха, ха, ха, ха!..

..Вещие вороны — черные птицы... Слухи-гадюки — в неволе станицы:

Свернулись полки...

...Червь роет сердце... В глазах — злые слезы...

Могила — березы... Наши могилы — чужие березы...

А казачьих вождей москвичи по старинному жалуют:

Кому два столба с перекладиной. Кому — пулю в затылок. —

«Вам бо како —  
Всем кубанцам тако!»

Знаем. За знание свое дорогою ценой — ценой крови своей — заплатили.

Знаем: без жертв не дается

Свобода.

Жертвы — были.

Без веры в народ — не поднимаешь народ.

Вера крепнет.

Без Голгофы — нет Воскресения. —

Искупителя — дали.

**Атаман!**

В Новый Год, в год последней борьбы!.. За свободу отчизны —

**Вперед!**

# Праздник Вольного Казачества

В ГАЛАЦЕ

Вольно-казачий имени Атамана Назарова хутор в Галаце, по примеру вольных казаков в других странах, праздновал и в этом году свой юбилейно-национальный праздник, родившийся в изгнании при весьма тяжелых материальных и моральных условиях 8 лет назад в Чехословацкой Праге.

Так как день праздника выпал на рабочий день, то казаки решили отпраздновать его раньше двумя днями — в воскресенье 8-го декабря.

В воскресенье, около 12-ти часов утра, собравшись в болгарскую церковь, где служба происходит на русском языке, казаки отслужили заукоиную панихиду по павшим невинным жертвам казачьим Вождям и патриотам, жизнь свою отдавшим за Родимый Край и Вольное Казачество: **Степане, Кондратии, Емельяне, Евграфы, Петре, Анатолии, Николае, Алексее, Борисе, Терентии**, а затем — благодарственный молебен о здравии и многолетии Походного Атамана И. А. Билого, окружных Атаманов: **А. К. Ленивова, П. С. Полякова, С. М. Маргушина** и других активных борцов Вольного Казачества.

После службы казаки разошлись по квартирам с тем, чтобы снова собраться к 2-м часам дня на квартире помощн. хут. атам. **И. К. Щеголькова**. К указанному времени все казаки — за исключением атамана и **А. К. Бабкова** (последний работал под воскресенье в ночной смене от 10-ти вечера до 10-ти утра) — собрались к **И. К. Щеголькову**, где был накрыт стол, в приготовлении коего принимали горячее участие казачки: **М. Щеголькова, Д. Бабкова и П. Коренюгина** и, ожидая своего атамана, вели разговоры на тему дня и делились между собою о пережитом каждым из нас во время казаче-русской войны.

Через некоторое время пришел **А. К. Бабков**, а вслед за ним и атаман, которые, поздоровавшись, поздравили казаков и казачек с Вольно-Казачьим праздником и пожелали им 9-й юбилей праздновать не в Румынии, а у себя в Казакии. Затем, разместившись за уставленными всякой всячиной столом, по предложению атамана пропели молитву «Отче Наш», после чего атаман сказал несколько слов по поводу юбилейного дня и нашего национального праздника:

Станичники! Сегодня мы собрались, как и в прошлом году, чтобы отметить своим торжеством нашего боевого рыцаря и будителя казачьего народа — журнал «Вольное Казачество», родившийся на свет ровно 8 лет назад. До его появления казаки не знали, за что они боролись с большевиками, как они боролись и какие были предательства на тех руководящих верхах, которым доверял казачий народ весь свой Край... Не знали мы, как они этот Край и народ его немилосердно губили и гнали на убой, как скотину, ради своих личных целей и славы «единой неделимой». Не знали также мы, откуда появилось само слово «Казачество», не знали, как жили наши предки, кто их завоевал и сколько было пролито, как и теперь, невинной казачьей крови русской рукою в лице царя Петра I, царицы Екатерины II и др. — Теперь мы все знаем! Мы знаем, где ложь и где правда. Журнал «ВК» своею правдивою и смелую рукою сорвал с казачьего лица «черную марлю», благодаря которой казаки не видели того, что им нужно было видеть и знать свою Родину — Казачество и самих себя. Журнал «ВК» своею древнею и новою историей сделал из нас таких казачьих патриотов, которых — теперь уже никто не сломит и не собьет с казачьего пути, по которому мы ныне направлялись и идем твердыми и верными шагами. А самое главное — это нужно отдать должное и надо оценить неустанный труд нашего Походного Атамана, а тогда несменяемого редактора — горячо любимого всеми казаками **И. А. Билого**, который метко учел психологию казачьей массы и родил... на свет такого детеныша, который за 8 лет своего существования, вырос в Великого народного борца и покорила своею духовною силою все казачьи сердца,

любящие свою Родину — Казакию и весь казачий народ, ныне страждущий под гнетом русских большевиков. Он, и только Он поставил казачье освободительное дело на ноги и ведет его к тому светлому маю, свет которого освещает нам всю Казакию и показывает прямой и краткий путь, как попасть в нее поскорее...

Так выпьем же, станичники, первый бокал вина за здоровье и мужество того человека, который носит имя Походного Атамана Вольного Казачества и стремится освободить от русско-красного рабства свой казачий народ и восстановить свое государство — Казакию... Ура!!! Слава Казачеству!

После первого стакана вина казаки закусывали и вели мирную беседу. Они вспоминали, как будут праздновать казаки свой праздник в Париже, Сербии, Болгарии, Германии, Чехословакии, Польше, Бухаресте и др. странах, где существуют вольно-казачьи организации. Читали последний номер журнала и статью **И. А. Билого**: «Некоторые поучения ноябрьских дней»... По ее прочтении было заметно на лицах казаков глубокое сожаление по безвременной гибели **А. И. Кулабухова** и нескрываемое зло на тех, кто его вешал и принимал в этом трагически-кошмарном деле участие или сочувствовал этому злему делу.

Вдруг, как на грех, ввалились в комнату пьяные и ни кем не прошенные наши противники — один старый монархист, а другой быв. в. к., которого мы «ушли» из хутора за злостную пропаганду против своих же станичников — вольных казаков (см. «ВК» № 159). Вошли и начали грубить... Видимо заранее задались целью «во что бы то ни стало сорвать вольно-казачий праздник»... Пришлось выдворять... с большим «инцидентом»... После «инцидента» помощн. хут. атамана **И. К. Щегольков** сказал:

Молодые и старые казаки и казачки! Разрешите и мне поделиться с вами теми мыслями, которые я собирал в своем казачьем сердце целый год и хранил их до сегодняшнего дня, чтобы вылить их наружу на своем вольно-казачьем празднике, который мы расцениваем дороже всякого двенадцатого праздника. Сегодня 8 лет, как среди «крошечной тьмы» нашего изгнания появилась лучезарная звезда... свет которой сразу же был замечен задыхающимися в темноте казаками. И что ни выше она поднималась по темному небу, тем с каждым днем и новым годом все увеличивалась в своем объеме, все больше и больше освещала ту тьму, в которой бродили мы без дорог, а часто и на месте топтались... Освещала и привлекала наше внимание-взоры на себя. Потом из звезды она как бы переродилась в солнце, осветившее ярким светом всю «казачью тьму», которой мы сейчас уже не видим. Мы, вольные казаки уже прозрели и видим только один свет, а «тьмы» для нас нет! Но между нами есть (хотя таковых очень мало) и казаки, болеющие еще глазною болезнью, т. называемую «куриною слепотой», а то и просто близорукостью, по причине которой они такого света и не замечают. Но «в семье не без урода», говорят люди, таких казаков не излечишь. «Горбатого исправит могила». Да они нам и не помешают, ибо они — незрячие... Мы же, вольные казаки, еще крепче должны сплотиться вокруг нашего боевого и сильного духом освободителя казачьего народа — Походного Атамана, поддерживать его материальными, моральными и духовными средствами и силами и честно и верно служить всему Вольному Казачеству, дабы скорее мы могли бы попасть и увидеть свои родные Край, станицы, хутора и своих родных и знакомых, которых мы уже не видели 15 лет.

А теперь предлагаю выпить бокал вина за здоровье, мудрость и мужество нашего Походного Атамана **И. А. Билого**, его ближайших помощников — окружн. атаманов и за все вольно-любимое казачье воинство! Ура!!! Слава Казачеству!

После непродолжительного перерыва взял слово **ст. А. К. Бабков**:

Братья казаки и казачки! Сейчас я слышал слова

и пожелания хут. атамана **И. Е. Сметанкина**, его помощника **И. К. Щеголькова** и других членов нашего хутора по поводу сегодняшнего дня, т. е. праздника Вольного Казачества, который получил свое основание на неласковой чужбине в день 10-го декабря. Я добавить к сказанному ими ничего не могу, ибо они высказались по существу и правильно. С своей же стороны я хочу только бегло коснуться плодотворной работы нашего юбиляра и его главных руководителей за 8-ми летний срок его заграничного существования и нарисовать вам краткую картину, при каких обстоятельствах он возник, к чему стремится и чего достиг своею работой к сегодняшнему дню.

Всем нам хорошо теперь известно, что войну казачью с русскими большевиками мы проиграли благодаря тому, что не были к ней подготовлены в достаточной мере с политической стороны и вели ее разрозненно, т. е. не общим фронтом, как это должно было быть, а несколькими: Дон — себе, Кубань — себе, Терек — себе, Урал — себе, Украина — себе, а Добровольческая армия, не представлявшая из себя почти никакой силы, загребала чужими руками жар и навредила свои русские «порядки» в центральных городах Казачьих Республик, что и погубило все казачье освободительное дело, а мы вынуждены были покинуть свои родные Края и уйти за границу. Оказавшись на чужбине, далеко от своей Родины, от своих родных: отцов, матерей, жен и детей, тогда лишь казаки поняли свои ошибки и причины своего поражения и, как бы желая искупить свою вину перед Родным Краем, попавшим в сатанинско-кровавые руки русских большевиков, сплотились... вокруг своих Атаманов, думая, что они на этот раз дадут казакам политическую подготовку для будущего сражения за свои казачьи Края и их Конституции. Но не тут-то было! Надежды и упования рядовой казачьей массы на своих Атаманов не оправдались. Атаман, попав за границу и почувствовав себя безответственными перед своими парламентами — Кругом и Радой, круто свернули с прямого казачьего шляха и пошли по тертой не раз ими московской дорожке, затоптав предварительно в грязь Казачьи Конституции и свою присягу, данную ими перед святым Евангелием и Крестом на служение своему народу и Казачеству. Заграничное Казачество, увидя такой шаг Атаманов, начало было постепенно расплываться по чужим, ничего общего не имеющим с казачьими, организациям. Но, как принято у нас говорить: «Бог не без милости, казак не без счастья». Наши терпеливые вожди, во главе с Походным Атаманом **И. А. Билым**, учтя безвыходное и тяжелое положение как зарубежного, так и дома оставшегося Казачества, подняли старинные казачьи знамена и начертали на них золотом свей новый лозунг: «Наш девиз — Казачья Воля, Казакция — наша цель!» Они начали издавать патристический казачий журнал «Вольное Казачество», день которого мы празднуем сегодня, с древней и новой казачьей историей, который сразу же при первом своем появлении в мире Божьем, завоевал симпатии казаков, оставшихся верными своей Родине, и начал объединять их вокруг себя, давая им духовную и моральную поддержку и пищу на своих правдивых страницах. Цель же его была и есть — объединить всех казаков всех казачьих Войск в один крепкий и мощный кулак, которым, при благоприятных обстоятельствах, нанести решительный удар красному врагу, заливавшему казачью кровью весь Родимый Край, и создать новое объединенное казачье государство — Казакцию, наравне с другими европейскими государствами. Это — цель наших стремлений. Результаты же работы за 9-летний срок своего существования, я думаю, всем нам хорошо известны. Из расплывших по всему земному шару казачьих единиц он слил сначала небольшие группы, потом курени и хутора и, наконец, станицы и округа с большим числом в них верных и крепких душою вольных казаков, которые на своих Окружных съездах избрали первого Походного Атамана Вольного Казачества **Игната Архиповича Билого**, человека железной воли, большого ума и кристальной честности, который еще в бытность свою на родной земле присягнул служить Вольному Казачеству и го-

тов был положить жизнь свою за нее наравне с другими его соратниками, сраженными врагами Казачества — **А. И. Кулабуховым**, **Н. С. Рябоволом** и другими.

Заканчивая свое слово, я хочу сказать, что мы, вольные казаки, сейчас вполне организованы и собраны духовно в один крепкий и мощный казачий кулак, который ждет подходящий момент, чтобы нанести сокрушительный удар зарвавшимся за пределы своих границ русско-красному врагу и освободить свою Родину — Казакцию, своих родных: отцов, матерей, жен и детей, истекающих кровью под властью русских большевиков. Дай Бог, чтобы этот «подходящий момент» — Воскресение Казачества — настал бы скорее, а нам, вольным казакам и казачкам, во главе с нашим Походным Атаманом, пошли Боже крепких сил и здоровья!

Да здравствует наш юбиляр, журнал «Вольное Казачество»!

Да здравствует его издатель — первый Походный Атаман **Игнат Архипович Билый**!

Ура!!! Слава Казачеству!

После теплых слов и пожеланий, высказанных за столом станичниками вольными казаками, были спеты Донской и Кубанский Войсковые гимны, слова которых еще раз напомнили казакам о казачьей свободе, народоправстве и старых, покрытых вечною сединою, казачьих традициях, которых строго придерживаются ныне все вольные казаки.

Не обошлось и без пения чисто бытовых, взятых целиком из казачьей жизни, песен, а также и казачьих танцев, в которых особое внимание привлекла на себя молодая жена хуторского атамана **О. Н. Сметанкина**.

Праздник затянулся до часу ночи и, если бы не фабричная работа следующего дня, наверное бы казаки не разошлись до самого утра.

(Соб. кор.).

## В КРЕЗО

(Калединская в.-к. станица).

Так как это число падало на вторник, рабочий день, то празднование его мы перенесли на воскресенье 15 декабря.

Вольные казаки, казачки и казачата собрались в 2 часа дня в зале «Бар дю Солей», украшенном портретами г. Президента Французской Республики, нашего Походного Атамана **И. А. Билого** и покойного генерала **Старикова**. Рамой для портретов служили два французских и два вольно-казачьих флага. На столах было приготовлено скромное угощение.

Станичный атаман **М. Белов** предложил, по старому казачьему обычаю, начать наш праздник молитвою. Все встали и один старый кубанец прочитал: «Отче Наш, как хлеб, рассеянный по полям, был собран и сделан единым, так да соберется Казачество наше в братство единое на земле и в царство Твое на небе», на что все ответили: «Аминь».

Затем атаман поздравил вольных казаков с праздником, указал на миссию «ВК» и на заслуги пред Казачеством нашего Походного Атамана **И. А. Билого** и провозгласил тост за его здоровье. В ответ ему загремело: «Слава, слава, слава!!»

Вспомнили с чувством благодарности о нашем Окружном Атамане **А. К. Ленинове**, о всех наших руководителях, о борцах за волю казачью, о незаметных тружениках и вообще обо всем Казачестве.

Старый кубанец, на украинском языке, заметил, что только в единении сила, следовательно, все народы, стремящиеся к свободе, должны соединиться вместе, чтобы добиться ее. Если же будем бороться врознь, то наверняка будем биты, как случилось это в недавнем прошлом.

Представитель местной украинской громады пан **Гришкович** стветил, что Украина всегда считала и считает себя родной сестрой Казачества и всегда готова идти с ним в тесном союзе.

После других речей и пожеланий казачата: **Сергея Павлов**, **Витя Воробьев** и **Митя Горелов** продекламировали стихи наших вольно-казачьих поэтов, за что были награждены аплодисментами и... поцелуями.



Присутствовавший на празднике француз г. Н. сказал, что он больше десяти лет присматривается к казакам и представителям других народностей и вывел заключение, что казаки больше других народов любят свою родину, что они не падают духом, но стремятся к своей заветной цели — видеть свою родину свободной и счастливой, что казаки скорее всех приспособляются ко всякому труду и все эти качества их он ценит высоко.

Ему ответил М. Белов, лучше других владеющий французским языком. Он благодарил француз за то, что они дали нам убежище и работу, что они уважают чужую свободу, что казаки очень многому научились у них, добавил, что чувство искренней благодарности к ним мы унесем в наши родные края, и в заключение предложил тост за благородную Францию. Вольные казаки дружно крикнули: «Вив ля Франс!»

Вторая часть вечера состояла из казачьих песен и танцев. Первыми выступили С. Каштанов, казак ВВД, и А. Бородин, казачка КВ, грянувшие стариной и показавшие молодежи, как надо танцевать казачка.

Толко пред полночью разошлись вольные казаки по своим квартирам. Никому из нас не хотелось расставаться с родной семьей, спянной одними желаниями. Но завтра нужно опять приниматься за добывание куска хлеба...

Ст. писарь Г. Фурса

## В РОМБА

Восьмую годовщину выхода в свет журнала «ВК», в восьмую годовщину возрождения Казачьего Национального духа, казаки националисты вновь образовавшегося Вольно-Казачьего хутора имени генерала **Старикова** в Ромба, в тесной семье встречали своей родной праздник — праздник воскресения казачьего национального самосознания.

В 3 часа дня в зале «кафе де ля Пост», украшенном казачьими национальными флагами, Вольноказачьим гербом, портретами: Походного Атамана И. А. Билого; шефа хутора, покойного генерала Т. М. Старикова, А. И. Кулабухова и К. Л. Бардижа, хуторской атаман **М. Ассерецков** открывает сбор.

«Слава Походному Атаману! Слава всему Казачеству!»

Воля и Слава! — следует дружный ответ вольных казаков и их гостей.

Всколыхнулся... Ты Кубань... Терек бурный... — полились слова родных казачьих гимнов.

Хуторской атаман, огласив поздравления, предлагает гостям и казакам выпить чарку вина за воскресение родного Казачества.

Первый тост за нашего славного Походного Атамана, впервые в эмиграции, восемь лет тому назад, поднявшему Вольноказачье знамя, первый тост за родное истекающее кровью, но не павшее духом Казачество», — начал свой тост атаман... В лице украинских гостей атаман приветствует украинцев и предлагает выпить за возрождение дружественной нам Украины.

После официальной стороны, началось дружественное собеседование казаков националистов, казаков гостей, не состоящих в хуторе, и украинцев. Полилась родная казачья песня.

Под хуторской оркестр, одетый в казачьи национальные костюмы, прекрасно была исполнена лезгинка членом хутора **И. Веретенниковым**.

Так много хотелось бы сказать друг другу в этот вечер, о многом хотелось бы поделиться, но времени было слишком мало. С чувством глубокого удовлетворения и в то же время с чувством тоски по родному Казачеству разошлись казаки по домам с тем, чтобы на другой день начать вновь будничную, не по душе казаку, заводскую жизнь. Но в сердце своем казак останется всегда верным ни на минуту не забывающим сыном своего родного Казачества.

Вечный покой мертвым Казачьим героям! — Слава живым!

Слава Казачеству!

С..

## В КРАГУЕВАЦЕ

Крагуевская В.К. имени А. И. Кулабухова станица праздновала свой казачий национальный праздник 10 декабря, перенесенный на 7 декабря (в субботу под воскресенье) ввиду того, что десятого числа не могли присутствовать все члены станицы. Станичным атаманом за две недели раньше были оповещены все члены станицы о встрече праздника и о покупке материала для декорации к этому дню. С большой радостью было принято это решение и единогласно было решено всеми членами станицы выдать на то средства из станичных сумм.

Ко дню 7 декабря заботами станичного правления декорация уже была готова и в 6 часов вечера отведенная зала была декорирована казачьими флагами, саблями, гербами и портретами. На почетном месте — Походный Атаман ВК И. А. Билый и покойники — **А. И. Кулабухов, М. П. Богаевский и А. М. Каледин**. Большими трудами и умелыми руками ст. атамана **Билоуса** были нарисованы портреты: Походного Атамана ВК И. А. Билого и А. И. Кулабухова. Трудом дам казачек была приготовлена скромная вечеря.

Постепенно сходились гости, в настроении чувствовалась особая торжественность и было очень заметно, как у каждого казака переполненная радостью ширилась грудь.

В семь с половиною часов вечера станичный атаман открывает собрание пением казачьих гимнов, затем поздравляет с праздником и подымает тост за здоровье Походного Атамана ВК.

Помощник станичного атамана **А. Горский** сказал речь о революционном периоде с 1917 по 1920 года.

Затем выходит к столу на почетное место, где красовался журнал ВК, молодой, 9-летний казак **А. Билоус**, подготовленный заботами своего отца, и декламирует «Не могу молиться» (С. Чепурного). Во время этого декламирования царя гробовая тишина и казаки, выслушивая каждое слово, погрузились в глубокие мысли. И подняли головы только тогда, когда посыпались бурные аплодисменты казаченку.

Затем выступил с речью **А. Чекин**: Братья станичники! многие народы, населяющие земной шар, были в таком положении, в каком в настоящее время находится Казачество: национальное освобождение каждого народа сопровождалось великими жертвами впереди таких движений всегда шла «свобода», которая несла с собой конечное самопределение — через государство. В настоящее время среди запутанной мировой ситуации казаки националисты (самостийники) строят свой спасательный «маяк». Первый камень был положен казачом **И. А. Билым**, теперешним Походным Атаманом. Восемь лет уже, как камень за камень, ступень за ступенью, клалет свои лучшие силы Казачество на постройку этого маяка. С каждым годом все выше и выше подымается сине-малиново-желтый флаг бичуемого государства Казаки. Скоро все казаки, заблудившиеся в житейском море, найдут себе спасение около Маяка, на котором развевается флаг Казаки. Не забывайте, станичники, что между Черным и Каспийским морями в настоящее время под московской оккупацией, живет не только казачий народ, а там почти такое же количество подневольных народов Кавказа, которые с нами вместе ведут освободительную борьбу за национальную и социальную справедливость. То несчастье, которое выпало на нашу и их долю, сделало нас единомышленниками. а будущее счастье слетает нас братьями. А потому мы должны смотреть вперед смело, с надеждой, и видеть перед собой только свою родину и свободу, а не служение чужой, не роль полицейских в Москве, как о том нам проповедывали Науменки, Филимоновы, Богаевские, Миллеры, Граббе и др. обгорелые пни московского пожара. Они Казачество поставили на край гибели, довели его до нищеты. Их лица до сих пор еще смотрят назад, мысли их далеки от Казачества... Перел нашими глазами совершила преступление перед Казачеством часть казачьей старшины. Но мы, казаки националисты, не должны падать духом, на-

против — с удвоенной энергией мы должны вести освободительную борьбу с верой в правоту нашего дела. Наша ставка на Казакию должна быть священной для каждого казака. Да здравствует союз угнетенных народов! Да здравствует Походный Атаман И. А. Билый!...

После речи Чекина полились казачьи песни и обмен мнений. Гости с большим интересом рассматривали казачьи гербы и портреты.

После песен станичный атаман сказал следующую речь: Братья станичники и станичницы! Из нашего наблюдения за национальной работой нашего любимого Черного Всадника со дня его рождения и до настоящего времени, т. е. с 10 декабря 1927 г. по 10 декабря 1935 г., мы можем сопротивление наших врагов разбить на три главных периода. В первое время, два с лишним года, враги, увидев нашего черного витязя — казачьего богатыря и проповедника истины, старались сдерживать свое волнение, не выступая в печати очень рьяно против, чтобы рядовое казачество не увидело их страха, но результат не удовлетворил наших противников, ибо Казачество, как только увидело своего борца и услышало свое родное слово от него, сразу начало выходить на свою национальную дорогу, которую он указал, начало тесно

лось там на родине, что та часть казаков уже расказачена, а вот те, что ушли за границу в 1920 г., те первое время присматривались к своим Атаманам, а потом, когда увидели, что они совершенно неспособные люди, тогда казаки разбились на три табора: одни пошли за общевоинским союзом, имея ввиду быть в составе России какой бы то ни было, лишь бы не советской, другие за Кириллом, предполагая, что казачество может существовать только при монархии, и, наконец, третьи — это сепаратисты, которые называют себя ВК или самостийниками, цель которых — отделиться от России и образовать свое независимое государство. Вот эта третья группа и есть самая сильная и опасная и, самое главное, они действуют в связи с другими сепаратистами, угнетенными Россией... Так вот, дорогие станичники, за здоровье нашего Черного Всадника, за его редактора, нашего Походного Атамана И. А. Билого, и всех тех казаков, которые принадлежат к этой именно третьей части, и за наших родных, находящихся в московской неволе, выпьем по чаше вина и скажем громко **Слава Казачеству!** Да здравствует наш Походный Атаман! Да здравствует Казакия!

Дальше говорит станичник **Д. Леонидов**: братья казаки, идея у нас есть, Походный Атаман у нас есть, нужна нам еще армия и строжайшая дисциплина. Чем строже дисциплина, тем ближе будем к цели. Будет дисциплина, будет и Казакия...

Затем станичным писарем **А. Пальчиком** была продекламирована «Стройка» (Ив. Томаревского).

После этого начала играть музыка сербский танец «Коло». Все встают и начинают танцевать. Танцы продолжались около 2-х часов...

После танцев занимают все свои места и станичник **И. Картамышев** держит речь и доказывает, что казаки не русские люди, а есть отдельное племя славянского происхождения и что казаки имеют историческое право на самостоятельное государство...

После речи Картамышева станичным писарем **А. Пальчиком** была выражена сердечная благодарность гостям, братьям югославянам, за их сочувствие и личное посещение нас в день нашего национального торжества, на котором им удалось убедиться, что Казачество есть особый народ, имеющий свой быт, свои обычаи и нравы, которые резко отличают Казачество от русского народа.

После речи Пальчика, станичным атаманом было закрыто торжество национального праздника и казаки уже на рассвете наступающего дня нехотя потянулись со своими семьями в свои временные хижинки... **Слава Казачеству!**

**А. Пальчик.**



Крагуевцкая ВК имени А. И. Кулабухова станица в день праздника 10 декабря 1935. Слева направо: сидят: М. Леонидова, П. Пальчик, ст. писарь А. Пальчик, С. Хайлсва, ст. ат. И. Билоус, Д. Билоус, ст. казн. Д. Хайло, С. Дмитриева, Н. Зенкевичева (гость). Стоят: Д. Леонидов (член рев. ком.), К. Юнзуков, В. Дмитриев, Д. Духнаева, серб (гость), М. Горская, серб (гость), А. Горский (пом. ст. ат.), Ф. Гутьман, А. Чекин, И. Гукуков, З. А. Ка-труба, В. Духнай (предс. ревиз. комиссии).

объединяться под ВК знаменем, которое он крепко взял в свою мощную руку. Казачество начало организовывать курени, хутора, станицы и округа. Во второй период враги, увидев, что Черный Всадник развивает серьезное движение к заветной цели Казачества, начали активную и ожесточенную борьбу с Вольным Казачеством, выпускали свои печатные органы, как напр., «Родимый Край», но — сам уже суть давно покойники. Пали они сраженными нашим героем националистом на политическом поле брани. Черный Всадник сметает все с своего пути. Прошла и вторая часть борьбы наших противников, около 3-х лет, без успеха. А в третьей части наши противники уже открыто в своей печати признают наше ВК движение, как самое сильное и опасное для них, как например, русские революционеры в своем журнале «Знамя России» пишут о Казачестве, которое оста-

## В СМЕДЕРОВО

Вольноказачий праздник Смедеровская В. К. имени А. И. Кулабухова станица, ввиду того, что 10 декабря приходилось в рабочий день, по желанию казаков перенесла на воскресенье 8 декабря, когда большинство казаков свободны от работ.

8 декабря к 10 часам утра казаки станицы собрались в городской церкви и, отслужив там благодарственный молебен, направились в станичное правление, где уже был приготовлен скромный обед.

В 11 часов станичный атаман **Сурмач** распорядился разместить казакам за расставленные столы и, пропев хором «Отче Наш», произнес речь, в которой обрисовал значение для Казачества дня 10 декабря. Когда будет создано Казачье Государство, сказал он, как мы видим это и в других государствах, например здесь, в Югославии 1-е декабря, день объединения сербов, хорватов и словенцев, так и у нас день 10-го декабря будет днем национального объединения всего Казачества, днем национального его возрождения...

Заканчивая речь, станичный атаман провозгласил заздравный тост за первого Походного Атамана инж. **Билого**, его сотрудников и всех вольных казаков, в рассеянии сухих и там, на родине, под игом красной Москвы страждущих.

Громовое «Слава Казачеству!», «Слава инж. Билому!» — наполняет помещение.

Станичный хор исполняет Донской и Кубанский гимны.

Вторым с речью выступает станичник **Захаров**. В кратком и сжатом слове он сказал следующее: Станичники! Сегодня мы справляем восьми-летний юбилей выхода в свет первого номера журнала «Вольное Казачество». О значении этого дня в среде Казачества в будущем уже сказал станичный атаман, а поэтому повторять не буду. Собрались мы сюда не для того, чтобы выпить, а для того, чтобы всем вместе просмотреть и подвести итоги, что нами, вольными казаками, сделано за эти восемь лет; чтобы проверить сделанное нами, найти ошибки, которые нами были допущены, и на будущее время постараться, чтобы этих ошибок у нас было как можно меньше. В первую и главную очередь мы должны обратить внимание на наше единство. Всячески надо избегать внутренних разногласий и ссор в среде Вольного Казачества. Нами должен руководить наш стародавний казачий принцип: «один за всех и все за одного». Появившееся в последнее время раз'единение в среде Вольного Казачества есть работа наших противников. Оно полезно только нашим врагам и доставляет им радость, а нам, вольным казакам, — лишняя оттяжка времени к осуществлению заветной нашей мечты — созданию самостоятельного казачьего государства — Казаккии.

Слава Казачеству! Да здравствует объединение! Да здравствует первый Походный Атаман!

Зал наполняется громовым: «Слава инж. Билому!», «Слава Казачеству!»

Станичный хор поет:

Дай нам, Боже, дай нам з неба.  
Дай, чого нам більше треба —  
Дай нам миру і спокою  
Під могутчою рукою...

И заканчивает припевом:

Де згода в сімействі,  
Де мир і тишина,  
Щасливі там люди,  
Блаженна сторона —  
Іх Бог благословляє,  
Добро їм посилає  
І з ними вік живе...

Дальше выступали с речами: станичники **Пальцев**, **Лук'янцев**, **Негреев** и др.

Долго еще лилась казачья песня. Долго еще казаки в своих задушевных разговорах вспоминали казачью старину.

(Соб. кор.)

## В ПЕТРОВГРАДЕ (Югославия)

Ввиду некоторых обстоятельств, праздник 10 декабря пришлось перенести на 14 декабря.

В шесть с половиною часов вечера станичный атаман Яков **Мирошник**, открывая собрание, краткой вступительной речью охарактеризовал значение установленного за рубежом празднования 10 декабря.

Затем взял слово помщик станичного атамана **Петр Беляков**, который, подтверждая сказанное атаманом станицы, дальше добавляет так: Казачество со дня вступления в эмигрантскую жизнь бродило во тьме. Вот с этой тьмы и появился Черный Всадник, подняв высоко знамя, на котором значится надпись: Вольное Казачество. Этот Черный Рыцарь проскакал уже все уголки земного шара, пробудил Казачество от политической спячки...

Станичник **К. Ачмизов** говорит так: Станичники! Восемь лет тому назад в столице чешского народа, в золотой Праге, вышел в свет журнал «Вольное Казачество». Никто из нас в то время в должной мере не понимал значения этого первого вестника Казачьей Свободы. Казачество тогда слабо разбиралось в сложившихся обстоятельствах, а поэтому считало, что это обыкновенное проходящее явление и относилось вначале к журналу «ВК» пассивно. Но основоположни-

ков этого дела такое отношение казачьей массы не смутило и они продолжали работать. Плоды их работы на лицо. Пробудили казачью массу, научили любить прежде всего самих себя, а также найти себя национально. За 8 лет своей работы журнал «ВК» развил среди казачьей массы национальные чувства. Теперь никакая сила не может отвлечь казака от намеченного пути национального возрождения. Слава редактору журнала **И. А. Билому**, слава и всем сотрудникам! Казаки дружно повторяют — Слава!

Станичник **Н. Каменсков** берет слово и говорит о сепаратизме донских казаков, говорит о Пугачевском движении, о булавинском восстании, о казнии московским правительством братьев Грузиновых. Говорит о Степане Разине, основываясь на документальных данных, опубликованных в трудах проф. Свагикова. Затем, переходя к теме дня, отмечает слово ст. Ачмизова и дальше добавляет, что казачий национализм в настоящее время развит до наивысшей степени. Те казаки, которые бродят по чужим партиям, себя еще точно никуда не определили. Их мучит что-то, но что, они сами не знают. Я смею полагать, что где бы они не бродили, все равно они придут к нам, казакам националистам. Слава Походному Атаману! Слава редактору журнала «ВК» **И. А. Билому**!... Казаки дружно отвечают — Слава!

Станичник **Петр Коржиков** говорит о развитии в эмиграции казачьего национализма и добавляет, что если бы Казачество не имело своего печатного органа, вышедшего 8 лет тому назад, то казачий национализм стоял бы так низко, что и наилучший историк не мог бы его отыскать. Благодаря своему печатному органу, благодаря тому, что журнал попал в надежные руки, казачий национализм и достиг такого развития. Так Слава же людям твердой воли, поднявшим так высоко знамя казачьей свободы! Присутствующие повторили — Слава!

Затем говорит станичный писарь **Захар Кобазев**, который в кратких чертах обрисовал потерю самостоятельности Донским Войском и разгром Запорожской Сечи. Коснулся времен французской революции и прочел воззвание французского Национального Собрания к Донским Казакам от 4 мая 1848 года.

Затем, переходя к теме дня, говорит, что из слов ст. Каменского и из того, что я вам сказал, видно, что более двухсот лет тому назад московским правительством была посеяна рознь между Казачеством и его старшиной и эта рознь ощущается и до наших дней... Из доклада вы видели, что все попытки борьбы за свою казачью свободу были кроваво подавлены. Все это потому, что казачья старшина, прельстившись посулами московской власти и громкими титулами, умышленно помогала затемять простую казачью массу. Теперь через посредство нашего сегодняшнего юбиляра выработался новый тип войсковой старшины, которая идеологически не расходится с казачьей массой, а напротив органически с нею связана. Слава нашему юбиляру! Слава вождям Вольного Казачества! Слава Казачеству!

Затем берет слово п. голова украинской громады **М. Мельничук**, который призывает казаков к единению. Он указал на прошлые ошибки. Если мы будем хорошо организованы, то грядущие события нам не страшны и мы их используем для своих целей.

На этом собрании было закончено, но, конечно, не обошлось без чарки вина и казачьей песни. До 12 часов нсчи коротали казаки время в дружеской беседе.

Сообщил **Захар Кобазев**

## В ВАЛАКОНЬИ (ЮГОСЛАВИЯ).

10-го декабря, в день 8-й годовщины нацисального вольно - казачьего праздника, в квартире куренного атамана **С. Левченко** казаки Валаконьского ВК имени **Н. С. Рябовола** куреня собрались, чтобы скромно отпраздновать этот знаменательный для нас праздник казачьего возрождения. Собравшиеся по-



здравили друг друга с праздником и, обменявшись мнениями о значении этого дня, выразили искреннее желание поблагодарить нашего первого Выборного Походного Атамана И. А. Билого, указавшего нам истинный казачий путь дорогу. Да пошлет ему Господь-Бог здоровья, долголетней жизни и мудрого водительства по осуществлению заветной для всех нас — тут и там — вольных казаков — мечты.

Выразить глубокую благодарность всем его честным сотрудникам. Будем надеяться что этот праздник будет последним в нашей скитальческой жизни, а следующий будем уже праздновать у себя, на дорожной нам земле, в Казачии.

Да здравствует наш Походный Атаман и его сотрудники! Да здравствуют все окружающие атаманы и все дорогие нам братья вольные казаки!

Всем посылаем низенький, от казачьей души, поклон.

Слава Казачеству!

Куренной атаман **Левченко**, казначей **Алексей Шевченко**, за писаря **М. Лепеха**. Казаки куреня: **Ф. Запорожец**, **А. Перилович**, **А. Фисенко**, **Вас. Соколов**.

### В ЧУРГУЕ

Праздник национального освободительного движения казаки Чургутского в. к. имени Атамана Каледина хутора перенесли на воскресенье 8 декабря. Хуторяне собрались в этот торжественный день тесной семьей около своего атамана **М. С. Яицкова** и отметили праздник обменом мнений по казачьему национальному вопросу и скромной трапезой. С радостью и воодушевлением был провозглашен тост за здоровье Походного Атамана ВК **И. А. Билого**, а затем и за здоровье всего Казачества и за успех в борьбе за национальное восстановление Казачьего народа.

\* \* \*

Ввиду того, что в этот день в Чуруг приехал известный уже всем своей безпринципностью г. Протопопов с целью повидать казаков и поговорить с ними от имени Граббе, хуторяне решили с ним повстречаться. О своем приезде г. Протопопов оповестил через своего единомышленника г. Просвирина. Имелось ввиду повидать только тех, кто не состоит в рядах ВК, но таковых оказалось не так много, как предполагал г. Протопопов. Именовал себя последний «помощником Донского Атамана» и «инженером». — на каком основании, Бог его знает, — особенно — почему он «инженер»?

К началу «доклада» подоспели и наши хуторяне. Свое повествование г. Протопопов начал с того, что «надо объединиться около Граббе, т. к. только он нас приведет на Дон... давайте в казну Граббе по 5 дин... Что там Вольное Казачество?! Никакого Вольного Казачества!.. Это вам Поляков да Букин тут говорят... Почему им не говорить, когда они получают от Билого по 800 дин. О сам Билый — у него в Ростове брат чекист, который ему присылает на работу... (Интересно спросить: откуда г. Протопопов это узнал, кто ему это сказал?).

Тут хуторяне не вытерпели: вопрос, другой, да третий увлекшемся «помощнику» и «инженеру»... Ответы были гладкие: «Да... ведь... но»...

Шире — дале, в оборот, что называется, взяли. В результате — никакого, фактически, доклада не состоялось, Протопопов уехал спешно, извиняясь (неизвестно только за что, вероятно за то, что приехал), а перед отъездом сказал: «Трудно с вами разговаривать: тут, видно, все вольные казаки. Но, если захотите меня повидать, то напишите»...

Едва ли кто из нас захочет повидать его... Сомневаемся, что и он захочет еще когда либо приехать сюда со своим Граббе.

(Соб. кор.).

## Признания врага

5 декабря прошлого года в московской «Правде», а 6 декабря в ростовском «Молоте» напечатана статья секретаря Азово-Черноморского краевого комитета коммунистической партии тов. **Б. Шеболдаева** (наместник Сталина на Дону и Кубани) под заглавием «Казачество в колхозах». — По словам «Молота» (см. номер от 11 декабря) статья эта составляет основу первой части доклада автора на «краевом слете отличников сельского хозяйства» в начале ноября в г. Ростове, о котором (докладе) мы упоминали уже в номере 188 нашего журнала. — Того же числа, т. е. 11 декабря, «Молот» напечатал и «сокращенную и исправленную стенограмму» самого доклада.

10 декабря парижские «Последние Новости» (см. № 5574), откликнувшись на статью тов. Шеболдаева, поспешили отметить о «переломе в настроениях казаков Дона и Кубани».

Оставляя пока в стороне вопрос о том, действительно ли у казаков Дона и Кубани произошел перелом в настроениях и в какую сторону, мы должны признать, что статья и доклад Шеболдаева в некоторых частях своих представляет несомненный интерес и для нас, зарубежных казаков, как — признания и свидетельства врага о настроениях казаков там и вообще о нынешней ситуации на нашей Казачьей Родине под оккупацией товарищей из Москвы. Мы, конечно, знаем, что всей правды, правдивого изложения тамошней ситуации от красных большевиков мы ждать и не можем, но кое что все же узнать можем — и из строк, и — особенно — из «между строк».

Попробуем же передать суть признаний красного московского генерал-губернатора на наших Землях, а после выскажем и свои некоторые соображения — и что касается сообщаемых товарищами «фактов», и что касается их освещения ими.

Итак, прежде всего — статья из «Правды» и «Молота». Начинается она общей характеристикой поло-

жения вещей на Дону и на Кубани (с точки зрения, конечно, «ихней») за последние несколько лет:

— «Острота революционной борьбы, особые трудности коллективизации в деревне Азово-Черноморского края (т. Шеболдаев, как истинно-русский человек, и на казачьи станицы говорит «деревня»). Ред. «В. К.» связаны в значительной мере с тем, что около половины всего сельского населения бывшей Кубанской и Донской областей составляло казачество. (У красного сатрапа не поворачивается язык сказать — больше половины. Хотя он и написал «составляло», но из всего его изложения, да и самый факт написания такой статьи свидетельствует, что слово «составляло» следует читать «составляет». Ред. «ВК»). — «Сплоченное особыми чертами хозяйства и быта, спаянное особым административным и военным строем, казачество не только до революции, но и во время гражданской войны было главным орудием реакции, массовой базой контрреволюции. (Ответ наш см. ниже. Ред. «ВК»). Деникинская армия, единая неделимая Россия» нашла свой приют и опору на Дону и Кубани. После ее разгрома около ста тысяч казаков — донцов и кубанцев — ушло в эмиграцию» (В эмиграцию ушло донцов и кубанцев по крайней мере в два раза меньше. Не знаем, намеренно ли преувеличивает эту цифру т. Шеболдаев или он просто невежда, но, если он «оперирует» так с фактами, какие можно перевесть, то можно представить себе, как он обращается с ними в том случае, когда такая проверка не так легка! Ред. «ВК»). — «В казачьих районах (Хоперский округ, Кубань, Дон), где классовая борьба в деревне была особенно ожесточенной, где раньше все бурно развернулось коллективизация, саботаж в колхозах приобрел наибольший размах в 1932 году\*».

— Неопровержимо доказано, что по прямым указа-

\* ) Подчеркнуто везде нами. Ред. «ВК».

ним контрреволюционных центров из-за границы верхушка станиц — белогвардейцы, атаманы, кулаки — вошла в колхозы с целью **разложить их изнутри, подготовить восстание и организовать голод...** — Ошибка краевого руководства (советского, Ред.) в том и заключалась, что оно не понимало всей остроты борьбы, не понимало маневров врага. Увлеченное социалистической формой колхоза, оно **позволило врагу** — белогвардейцам, атаманам-кулакам — **занять командные посты в колхозах**, допустило, чтобы охвостье (! Ред.) повело за собой **значительную массу колхозников**. — Срыв сева, уборки, уничтожение тягла, расхищение хлеба и семян привели к **упадку колхозов и полному запустению полей**. За один 1932-1933 год посевные площади по краю сократились свыше чем на один миллион гектаров. Урожай достиг **катастрофически низкого уровня**. **Сила и организованность саботажники** были так велики, что в ряде станиц колхозы **находились под непосредственной угрозой развала...** Озлобленность врага доходила до того, что **отдельные матерые кулаки из казачества**, скрывая от хлебозаготовок в ямах тысячи пудов хлеба, **доводили себя и собственных детей до голодной смерти**. — Нельзя сейчас представить себе ту мерзость и запустение, которые царили в то время в станицах, поставленных кулацким саботажем на грань голода...

Но

«Положение резко изменилось... После разгрома саботажа, высылки кулаков и белогвардейцев потребовалось два года на большевицкое укрепление колхозов»...

По мнению т. Шеболдаева:

«Успехи колхозов в казачьих станицах Кубани и Дона означают окончательную победу колхозного строя на последнем и самом трудном участке»...

Красный сатрап думает, что

«Казачество, имевшее в прошлом ряд привилегий, владевшее до революции на Дону и Кубани 93 проц. всей земли, всеми рыбными и лесными угодьями, на практике убедилось в преимуществе колхозов над старым средневековым порядком и окончательно стало на путь нового строя. В основной массе казачества произошел коренной перелом. Именно поэтому так мрачно и безнадежно настроена белогвардейская казачья эмиграция за рубежом. Она отлично понимает, что колхозы Кубани и Дона не могли бы иметь нынешних успехов, если бы нынешнее казачество по-прежнему сопротивлялось бы или не поддерживало бы колхозы. Это означает окончательный крах их контрреволюционных надежд»...

«**Сотни и тысячи лучших людей: сталинских** (?) Ред.) **представителей колхозов, бригадиров, комбайнеров, трактористов, животноводов, выдвинулись из казачества**»...

...«Казачья и иногородняя верхушки, совместно ожесточенно боровшиеся против революции и колхозов, основательно разгромленные, потеряли свое значение»...

«Советская власть и колхозный строй, которые до конца уничтожили «власть земли» над крестьянином, полностью уничтожили всякие привилегии и всякую возможность эксплуатации в деревне, **покончили навсегда с прошлым казачества**. Позорный путь от вольного казачества, давшего истории героев крестьянской революции Разина и Пугачева, к роли цепных псов самодержавия и оплота контрреволюции закончен навсегда. На перепаханной революцией земле выросли новые люди, которым незачем оглядываться назад. Их мысли надежды в будущем. — Сейчас перед трудовым казачеством развернулась широкая дорога колхозной зажиточной жизни, путь чести и славы на поле труда и в деле защиты нашей великой родины. Нет ничего несбыточного в том, чтобы **лучшие черты казачества — железную дисциплину, отвагу и упорство, преданность делу — направить на укрепление колхозного строя, на защиту нашей родины**»...

В заключение, «первые успехи» «позволяют» тов. Шеболдаеву «поставить перед собой задачу: завоевать славу самых передовых работников сельского хозяйства; удвоить в ближайшее время урожайность наших

(? Ред.) полей и продуктивность животноводства; стать самым богатым и культурным краем самой большой и культурной страны, превратить Азово-Черноморье в незыблемую крепость нашей великой родины».

— Это и вся соль статьи т. Шеболдаева. Продолжение ее — в докладе, напечатанном, как мы уже говорили, в «Молоте» 11 декабря. Но раньше, чем перейти к этому продолжению, остановимся немного на приведенных выше выдержках из статьи.

Частичные соображения свои по поводу некоторых мест статьи Ш. мы уже высказали выше попутно с самими выдержками из нее. Много, конечно, понятно и без особых комментариев. Остановимся, поэтому, только на наиболее интересных — по тем или иным соображениям — местах.

Прежде всего — одно общее впечатление и от статьи, и от доклада Шеболдаева. Доклад свой т. Шеболдаев, как мы уже говорили, сделал на слете отличников сельского хозяйства всего края. Статью написал на основе свсего доклада. А впечатление от одного и другой такое, точно наместник Сталина говорил только перед казачьей аудиторией. — Что это значит? — А это значит, что оккупанты — вольно или невольно — признают, что край этот — Казачий Край; признают, что не казаки там провалились окончательно.

Своей коллективизацией оккупанты разорили и разгромили казачье хозяйство. Но Казачество — живуче. И сейчас, пользуясь единственно дозволенными там формами хозяйства, казаки берут это хозяйство, а тем и всю экономику Края, в свои руки. В данной обстановке — решение правильное.

Итак, на пятнадцатом году оккупации оккупанты заговорили о Казачестве. Больше того, они признаются сейчас, что на Дону и на Кубани

«Мы (т. е. они. Ред.) имеем население (не часть населения, а **население**. Ред.) **со своими особыми сложившимися чертами, с большим культурным уровнем**». (См. «Молот» от 11 декабря).

Не будем спешить с выводами, но некоторые из них уже напрашиваются...

Впрочем, вернемся к статье.

В начале ее т. Шеболдаев характеризует Казачество, как «сплоченное особыми чертами хозяйства и быта, спаянное особым административным и военным строем»... Хотя эта характеристика, прежде всего — как неполная, нас и не удовлетворяет, но не плохо и то, что сами русские оккупанты начинают признавать отдельность Казачества от русских. Мы, конечно, не знаем, почему так именно характеризует казаков т. Шеболдаев — потому-ли, что сам в том убежден, или потому, что, как человек там новый, не знает казачьей истории, — во всяком случае, многого от него в этом отношении, как от советского (или русского) патриота, ждать и не можем. Все же должны будем признать, что ничего плохого в такой характеристике Ш. нет.

Что же касается задачи — дать полную и правдивую характеристику Казачества для самих себя и для внешнего мира, то это задача наша, задача самих казаков. Задачу эту мы, вольные казаки, теперь и решаем и в решении этом подвинулись далеко вперед.

Не будем отвечать сейчас т. Шеболдаеву и на его утверждение о том, что «Казачество не только до революции, но и во время гражданской войны было главным орудием реакции, массовой базой контрреволюции». Не будем отвечать на это здесь потому, что ответом таким является само ВК движение; потому, что мы отмечаем давно уже на такие вопросы своими историческими трудами, а прежде всего — «Трагедией Казачества». Одно только позволим себе в данном случае подчеркнуть, что та война, которую т. Ш. называет войной гражданской, для нас, казаков, была не гражданской.

Весьма ценным для нас является признание представителя красной Москвы на Казачьих Землях о саботаже, т. е. о борьбе с оккупантами, о сопротивлении Казачества «коллективизации сельского хозяйства». Для полноты картины мы все же должны добавить, что борьба Казачества против советских колхозов была

прежде всего защитой своего достоинства; защитой своего хозяйства, борьбой против разорения казачьего хозяйства московскими экспериментаторами.

Шеболдаев признается, что борьба, достигшая наибольшего напряжения в 1932 году, продолжалась не один год, что задачами этой борьбы боровшиеся ставили не только борьбу с колхозами, но и подготовку **восстания** и... организацию голода.

Что Казачество занималось организацией своего собственного голода, это, конечно, наглая лож современного красного помпадура, современного бессмертного гоголевского городничего. — Да, голод был. Страшный голод. И, конечно, не казаки сами доводили себя и собственных детей до голодной смерти. И не умирали те, кто скрывал хлеб от хлебозаготовок в ямах, а умирали те, у кого скрывать было нечего или у кого скрытый хлеб большевики находили и забирали. — Голод был потому, что товарищи Шеболдаевы ограбили и обобрали Казачьи Земли, разорили казачье хозяйство, а нового не наладили. Голод был потому, что организовали его Шеболдаевы, взявшие в свою ненасытную — исторически ненасытную московскую утробу весь казачий хлеб, предоставив Казачеству умирать с голоду.

И все же Казачество выжило. Выжило и готовило восстание. — Серьезное признание из уст оккупанта. Значит, там не сдались. Боролись и борются. Нам, заграничникам, следует делать только выводы и, с своей стороны, не сидеть, сложа руки.

Ценно признание Шеболдаева и как свидетельство того, что борьба эта там носит характер массовый: организаторы борьбы повели за собой «значительную массу колхозников».

Победил ли колхозный строй «на последнем и самом трудном участке» и произошел ли «коренной перелом в основной массе казачества», — мы это еще увидим. Во всяком случае, даже некоторые противоречия и неувязки в статье и докладе самого Шеболдаева вносят значительные поправки в кажущиеся на первый взгляд безапелляционные утверждения красного сталинского наместника.

Объявляя о «коренном переломе в основной массе казачества», Шеболдаев подчеркивает одновременно,

что «именно поэтому так мрачно и безнадежно настроена белогвардейская казачья эмиграция за рубежом». — Правду говоря, не знаем, как и по какому поводу настроена «белогвардейская казачья эмиграция», но **очень хорошо знаем, как настроена национальная казачья эмиграция.** Радоваться ей, конечно, нечему, но настроена она далеко **не безнадежно.**

То, что тамошние казаки — в освещении Шеболдаева — поддерживают (и по Шеболдаеву — не все!) колхозы, дает ему право утверждать об «окончательном крахе контрреволюционных надежд белогвардейской казачьей эмиграции». — По нашему, как мы уже сказали выше, часть казаков там решила взять колхозное хозяйство на Казачьих Землях в казачьи руки, чтобы оно не попало в руки чужие. И нас несколько не печалит, что тамошние «председатели колхозов, бригадиры, комбайнеры, трактористы, животноводы — **выдвинулись из казачества.**» А что касается «краха контрреволюционных надежд», то нас это, опять таки, не интересует. **Казаки националисты имеют свои собственные надежды — национально-освободительные. Наш бой с оккупантами решится не на колхозах.**

Шеболдаев утверждает, что «советская власть и колхозный строй... покончили навсегда с прошлым казачества... Выросли новые люди, которым незачем оглядываться назад. Их мысли и надежды — в будущем».

Нет, господа оккупанты. С настоящим прошлым Казачества не только советская власть и колхозный строй, но и никто другой в мире и ничто не может покончить. Наоборот, настоящее, подлинное казачье прошлое трудами вольных казаков только встает перед современным Казачеством. Правда, выросли и растут новые люди, но больше всего растет казачьих националистов. Мысли и надежды этих людей — в будущем, но это **казачье будущее совершенно иное, чем будущее Шеболдаевых.** Казакам-националистам, работающим для своего казачьего будущего, совсем не заторно оглянуться назад и посмотреть в свое собственное прошлое. Это только «интернационалисты» Шеболдаевы могут отказываться от прошлого своего народа.

Но, конечно, замечательнее всего конец статьи

## К характеристике международного положения

В новогоднем послании германского канцлера, переданном по радио д-ром Геббельсом, есть такое место: «Мы хотим остаться и в наступающем году таким же оплотом национальной европейской дисциплины против большевицкого врага человечества»...

Официоз французского министерства иностранных дел 3 сего января в статье своего берлинского корреспондента подтверждает, что основной чертой германской внешней политики останется враждебность к СССР... Этот корреспондент не исключает возможности создания антибольшевицкого блока из Германии, Польши, Финляндии и Венгрии...

Парижская газета «Аксон Франсез» 4 января пишет: «Угроза войны может возникнуть для нас из спора между германизмом и славянством, при чем Чехословакия сыграет при Гитлере ту же роль, какую сыграла Сербия при Вильгельме. Вот почему мы (французы) должны тщательно остерегаться от вмешательства в чужие споры... Легко сказать — придти на помощь Чехословакии в случае немецкого нападения. Гораздо труднее это сделать. Немцы способны занять Прагу еще до того, как Россия мобилизуется»...

Пражская «Народни Политика» в номере от 3 января, говоря о международной ситуации и касаясь Дальнего Востока, пишет: «На Дальнем Востоке границы между Советами и Манчжурией уже закрыты. Министр иностранных дел (Намчжунри)... только что заявил, что он не считает внешнюю Монголию, находящуюся под покровительством Советов, за нормальное государство, а всего лишь за небезопасную область и что все спорные вопросы, касающиеся Монголии, будет решать Манчжурия только по своему усмотрению. Делегаты внешней Монголии довольно продолжительное время находятся уже в Москве, где решается вопрос о ссоезе Монголии с Советами. Таким образом, здесь, в этой области, дело идет уже к борьбе между Токио и Москвою, к борьбе, которая может быть еще отложена, но может вспыхнуть и очень скоро, в зависимости от того, возьмет ли верх в Токио точка зрения правительства или армии»...

В прошлом году в Праге, в издательстве «Союза народного освобождения», вышла небольшая книжка (107 стр.) полк. ген. штаба Е. Моравца (проф. военной школы) под заглавием «Военные возможности в средней Европе и война в Абиссинии». В главе «Военные взаимоотношения в Европе перед столкновением» полк. Мсравец делает подсчет сил двух возможных коалиций следующим образом:

...«Не случайно, что все диктатуры европейских и азиатская создали единый фронт: Германия, Италия, Япония, Венгрия, Польша и Австрия. Этот блок насчитывает около 250 миллионов населения. С другой стороны, естественно, создался блок Франции, СССР, Матой Антанты и Балканской Антанты, который количеством населения несколько превосходит блок Германо-Японский»...

...«Блок Германо-Японский, исчисляя по возможности, выявленным в прошлой Мировой войне, мог бы выставить: Германия — 240 дивизий. Япония — 150, Италия — 100, Польша — 60, Австрия — 10, Венгрия — 15, всего — 575 дивизий. Блок русско-французский: Россия — 280 дивизий, Франция — 150, антанты (Малая и Балканская) — 130, вместе — 560 дивизий»...

Шеболдаева. — «Сейчас, говорит он, перед трудовым казачеством развернулась широкая дорога колхозной зажиточной жизни, путь чести и славы на поле труда и в деле **защиты нашей великой родины**».

Собственно говоря, чтобы понять хорошо смысл выступления т. Шеболдаева, достаточно хорошо уразуметь его последнюю подчеркнутую нами фразу. Тогда станет понятным многое: станет понятным и «несбыточное» — желание «лучшие черты казачества — железную дисциплину, отвагу и упорство, преданность делу — направить на укрепление колхозного строя, на **защиту нашей родины**». — Дело ясное. Несмотря на все свои «успехи» на внешних фронтах — дипломатических и не дипломатических, товарищи чувствуют, что царство их может подвергнуться «большим испытаниям». А для войны, как известно, среди иного прочего, нужны, и весьма нужны, хорошие бойцы и хлеб. Вот потому, пожалуй, и вспомнили т. т. Шеболдаевы о лучших чертах Казачества, вспомни-

ли — и задачи поставили: **удвоить в ближайшее время урожайность полей и приготовиться к защите «нашей родины»**.

Не знаем, возьмет ли на себя Казачество там задачу удвоения урожая, но если возьмет, то это еще не будет значить, что урожаи эти оно предназначит советским оккупантам. В одном мы не сомневаемся:

не сомневаемся, что когда придет время защищать родину, **все Казачество единодушно станет на защиту только своей казачьей Родины**. Не сомневаемся мы, что на **защиту ее Казачество действительно отдаст все свои силы и все свои лучшие черты**.

И еще в одном мы не сомневаемся:

не сомневаемся, что **на этот раз оно свою казачью Родину защитит и впредь все свои урожаи** — и удвоенные, и утроенные — **будет есть само, будет распоряжаться ими само**.

(Окончание следует)

## Свидетельство врага

(Продолжение)

...Исаак Мусиенко сидит молча. Лицо у него худое, в крупных веснушках... Мусиенко в неизменной казачьей с кручеными пуговицами рубашке, скрадывающей худобу тела. По шву галифе тянется оранжевый кант: Мусиенко казак, а это сейчас казачья мода.

Задумчив Мусиенко: «Як же тепер хозяйнувать? Шесть полюс на четыре версты вытянулись. Курку негде выпустить»...

Горячка работы не спасает Исаака от тяжких раздумий. Нет выгоды хозяйновать самому на шести полюсах. И берет его досада на правительство:

«Що ж вони роблять с хліборобами!»

«Це наше правительство. О нас думает. Учит нас хорошему!»

Почему же зараз такое робиться с землеустройством? Тож для хлібороба шкода... Кто это выдумает? А вдруг правду Иван Кириллович Шерстюк говорит: «Сукин ты сын, а ще козак. Пидчыньвсь босякам. Всю станицу руйнують... Козачество хотять перевести скризь»...

В восемнадцатом году городовики захватывают казачьи земли. Против иногородних поднимаются почти все казачество. Мусиенко кричит вместе со всеми. Два брата его пошли добровольно в белые части, старик-отец грозит послать на фронт и остальных двух. Исаак не идет служить к белым. Не идет он и в станичный гарнизон...

— На Кубани жить тільки козакам! — кричит член Кубанской Рады Прийма.

— От тсж добре! — удивляется Мусиенко. — Почему козакам тільки?

Перед самым крушением белых созывается чрезвычайный с'езд Рады. Исаака случайно выбирают делегатом.\*) Пьяненький, он хвастается перед станичниками навести такие порядки, что от большевиков и слуху не будет!

На с'езде Рады, отдельно запершись, заседает офицерская фракция.\*\*)

— Вот тебе и Рада! Да нам — не рады! — ворчит какой-то линец в мохнатой бурке.

По приходе красных Мусиенко одним из первых и немногих вначале казаков идет на митинг, организованный воинской частью.

— Каленым железом надо выжечь контрреволюцию! — пламенно выкрикивает комиссар.

\*) От редакции: Выборов не было. Собирались старей состав Рады, выборов 1918 года.

\*\*) От редакции: Такой фракции в Раде никогда не было.

— Обратно война! — Мусиенко недовольный идет домой: — Не хочу я... У мене диты...

Только в двадцать пятом году, когда коммунисты проводили казачье совещание, а казакам разрешили носить кинжалы и черкески с газырями и петь казачьи песни... Исаак Мусиенко начинает работать...

Горлопан (коммунист. Ред.) вскакивает:

— Я не пойму, почему кричат: в колхоз, в колхоз. Вхождение в колхоз — вопрос шкурный. Партия тут ни при чем. Раз это касается моей шкуры, то я сделаю так, как это нравится мне, а не так, как говорит мне партия...

— Замолчи! — кричит возмущенно Кошурко.

— Партия меня не кормит...

«Правильно Горлопан говорит. Что они на него?..» — думает Мусиенко и машет рукой на кричащих:

— Та тише...

В заднем ряду встает огромный Федор Резник, недавний кандидат партии, сторож мельницы.

— Я не пойду совсем! Брошу билет, а не пойду.

— Ну вот, не я один, — говорит соседям со злобой Горлопан: — Люди в Красной армии тоже были, боролись, кровь свою проливали...

Мусиенко охвачен тревожным жаром. «Ось, як багато комуністів протів колхозів! Не піду я!..»

— Что это, звонят? — поднимает голову Абрамов.

— Не могу знать. Сейчас узнаю...

Из церковной ограды по тополевой аллейке идут человек двадцать в чекменях с газырями. Кубанки и высокие барашковые папахи венчают гордо приподнятые головы. Лица торжественны.

— Це — козачий празник, — об'ясняет зампреда совета Ничай. — У нас обычай: идут казаки одного года на службу, они покупают вместе икону и посылают ее в станичную церковь; а когда вернутся, из года в год в день своего святого служат молебны вместе.

Казаки проходят мимо совета — все, как на подборт, сильные и крепкие...

Абрамов садится за бумаги. Сухи цифры отчета о перевыборах совета в двадцать шестом:

«В станице середняцких хозяйств — 55%, бедняцких и маломощных — 35%, зажиточных крепких кулацких — 10%. Демобилизованных красноармейцев и партизан, в 1918 году прошедших астраханские пески, — 210 человек, демобилизованных после 1920 г., не прошедших школы гражданской войны, — 198 человек».



— А сколько у вас батраков? — спрашивает Абрамов Монькина.

— Было сотни три. Часть в колхозы устроилась.

— Сколько вы вовлекли в партию батраков?

— Видите, у нас хороших батраков нет. Выпивают здорово они. И вообще народ больше пришлый.

— Неужели нет хороших?

— Хорошие есть, но они в партию не идут...

В папке больше двух десятков «накопленных завлений».

Абрамов упирается взглядом в Монькина:

— И это не с кем работать?.. В такой станице не с кем работать! В такой станице в ячейке тридцать человек за десять лет работы, а коммунистов-казачков из половины населения только два!..

Дежурный Григорий Плакса, проводив Ничая, из braveго служакки вдруг превращается в ленивого и разваренного, как и все ошалевшие от скуки и безделья тыжневые.

— Подвинься! — грубо говорит он, втискиваясь меж сидящими. Ставит шашку меж ног. Оглядывает коридор... Тихо говорит соседям: — Зараз в кабинеті балакали, що на птицю буде заготовка, як на хліб.

— Ой, отшатывается молодой рыженький казак.

— То хлібзаготовка, то контрактація, зараз нове діло. Нема житні... — продолжает Плакса...

— Нема житні... — вздыхая, соглашается рыженький.

— Та ти і не жив. Ти ще зелений! — обрывает его Плакса... — Я постарше тебе, хлопчику, та пройшов скрізь турецький фронт, і білих, і красних. Я тобі зараз кажу: треба добре нам за розум братися. Це життя? Казнь наша!.. — Хай вони всі повиздыхають, большевики!..

Вспомнив последний наказ Шкаденко, Григорий Плакса говорит тыжневым:

— Ще скажу, брати: зараз будуть прокляті большевики і середняків жать. Кулаків задушили скрізь. Зараз середнякам страдать час настав... Ось побачете...

Вспоминая про Петрова, про то, что говорят по станице, Плакса продолжает:

— Вони собі забирають все. Намололи нашої муки та поховали. Скоро їм усім кінець. Ось вони і граблять хліборобів. В колхоз гонять народ, щоб ті дурні отвічали, а вони повтікають.

— Правильно, дядьку! — расстроено отзывается молодой рыженький казак... — Наїхали, сучі діти, в станицю та мордують усіх. Невже ж в нашій станиці своїх робітників нема? Той чужий і той чужий: в совіті, в ЕПО, в тетехто... Скрізь вража сила...

Тыжневые поддакивают, одобряют.

Плакса, стискивая кулаки, злобно говорит:

— На Дальнем Востоке советской власти нет. С востока начинается, так в библии сказано. Там всі наші!.. — и уходит от притихших тыжневых во двор...

Захлестанный грязью всадник осаживает гнедого, темного от пота коня у стансоветского крыльца. Сваливается наземь, раскорякой лезет в совет...

— Что еще такое? — тревожится Петров, рассматривая серьезное, поджатое лицо Абрамова, уткнувшегося в бумагу из района.

— Ничего особенного. В Динской комсод кулаки избили! — подняв голову, говорит Абрамов. — Мне предлагают выехать туда. Вы смотрите тут, — крепче нажимайте!..

Вечерами один за другим пробираются хорошие хозяева к Леонтию Федоровичу Шкаденко.

Молча выслушивает жалобы атаман, только лицо его чугунет, да крупная родинка на переносице наливаясь, чернеет от тяжелой крови.

Молчит атаман, будто ждет чего-то. И вот, без шапки, потный, прибегает ночью Григорий Плакса. Он рассказывает, что, по настоянию Петрова, бюро станционной комячейки только что решило выставить заставы на Кубань к парому, на большие дороги в сто-

рону Усть-Лабы и к городу; что люди, вооруженные винтовками, уже ушли на дежурства.

— Нікому ні слова! — обрывает Плаксу атаман. — Хай задержать! По станиці скрізь паніку зробимо! Час наш, хлопче, близенько!..

Наутро три листовки — призыв к братьям-козакам — сразу появляются: на базаре на стволе старой груши на стене скобяной лавки ЕПО и на двери у почты.

Кто первый их прочитал — не разобрать.

Василий Антоныч Чеснык, придя на базар нарочито попозднее, застает там толпу.

— Що це таке? Що це таке? — спрашивает он, проталкиваясь вперед.

— Це ж правильно написано, граждане. Яку нам жизнь зробили!.. — кричат в толпе. — Доки ми будемо страдать?..

Василь Антоныч Чеснык незаметно улыбается:

— Добре, хлопчику! І у тебе серце болить...

От совета чуть не бегом поспевают к базару Петров, Пичков, милиционеры, уполномоченные, актив.

Народ, жужжа, как потревоженные шмели расходится по улочкам.

— Надо нам зорче за станицей смотреть! — в жарком волнении выкрикивает Кошурко на экстренном заседании бюро. — Кулаки не спят!.. Они не спят! Они нас всех бы повыбили зараз!..

— За що выпьем? — перегнувшись через стол, спрашивает Дзюба.

— За рідну Кубань-неньку! За наших! За волю! — ровным звучным басом выпаливает старший урядник Заплавский.

Дзюба следит за каждым движением Заплавского.

— Ну, як же, Иван Трофимович? Кажіть мені, як у вас в станиці?

— Организация в станице есть!...

Чуть заметная улыбка тенью проходит по грустному лицу Дзюбы:

— Не может быть у вас никакой организации. Посмотри на народ. Запуган. Боятся...

— А я говорю — есть. Мы все готовы. Тилькы подай команду! — громко говорит Заплавский, недоумевающее оглядывая Дзюбу.

Качает головой есаул (Дзюба)... Скорбь слышна в голосе.

— Кто же команду подаст? Добрых людей, героев повыбили. Трусые одни в станицах. И тем — с голыми руками драться?

Вздыхает и Иван Трофимович. Пролетают мысли: «Будто б в то время всей Кубанью казачьей вымести большевиков и иногородних. Дождались: за свое добро жизни нет!.. И уйти некуда».

Заплавский вскидывается, вспоминает:

— А вы забыли, что за границей есть люди? Если Кубань восстанет, то за граница будет тут.

Снова скрытая усмешка скользит по лицу есаула, снова горечь слышна в голосе его:

— Большевики так делают, что за граница не знает, что у нас. О вспышке там тоже не будут знать.

Заплавскому сейчас бы в бой. Шумно вздымается грудь, крепко сжаты кулаки.

«Эх ты, герой, — подумал он про Дзюбу. — Был герой, а зараз, як баба, сидит — горюет!...»

Пуше прежнего шумят, кучкуясь, на базаре станичники.

Леонтий Федорович Шкаденко в злобном волнении идет к базару... За последние дни все больше станичников тянутся перед атаманом, — как когда-то.

Неожиданно сталкивается атаман с Данилой Мусиенко... Атамана трогает старость и слабость ровесника... Он страстно укоряет:

— Де ж твоя совість, козаچه? Де твое присяжне слово? Як же ти наших будеш зустрічат, коли твої сини такі негодяї? Ми ж їх первими повісимо!..

Атаман грозит:

— Ты будешь в ответе, як отец!..

Хочет Данило сказать, да Шкаденко уже далеко...

...Шкаденко вдруг яростно комкает газету:  
— Та не буде по-вашому, бісови душі!...

... — Провалимся мы с севом, провалимся с зяблевою вспашкой, — горестно делится Петров с кучером Зинченко.

— Все у нас не так выходит! — не оборачиваясь, откликается тот.

По напряжению плеч, строгому помахиванью кнутом, Петров чувствует серьезное.

— Что такое?

Зинченко порывисто изгибается. Лицо его раздражено.

— Я по-темному без обреза не хожу. Илюшка мне на базе грозил: «Ну, Зінько, тікай, бо всіх виб'ємо!..»

...Ширится могучая грудь атамана Шкаденка. Рядом строго и прямо сидит старокорсунский есаул Дзюба Иван, опустив взор на грузную свою библию...

— Братцы и сестры! — рочокет густой бас атамана: — До краю мы дожили. Нема того дня, щоб не страдало козацтво, нема того часу, щоб не казнили нас лютою мукою...

Под кустистыми рыжими бровями горят серые очи Заплавского; мелькают перед ним картины позора — обыски, вызовы в совет, изгнание из колхоза.

Казнят лютою смертю! — шепчет он, сжимая кулаки.

«Ни, не время! думает Дзюба, жалея атамана. — Побьют таких людей, потом кто будет?..»

— Забрали хліб, семечки. Зруйнували хазяйнів. увели коней.

— Увели коней! — ловит ухом есаул Дзюба стenanье Заплавского...

... — Братцы! — есаул встряхивает золотистыми кудрями, поводит глазами вокруг. — И вы, сестры!...

— Зараз ми сидимо то балакаємо в добрій хаті! — говорит есаул и низко склоняет голову... — що робиться на вільному світі?... — Що робиться на світі? — переспрашивает есаул, проводя левой рукой по волосам. Вдруг возносит библию и распахивает ее по закладке. Грудным низким и полным голосом читает:

— Святого евангелия чтение. От Матфея, глава двадцать четвертая».

Бабы смотрят на него огромными неподвижными глазами. Атаман Шкаденко сидит, закрыв лицо кряжистыми ладонями, из-под которых выбиваются седые волосы. Есаул ловит взгляды Заплавского. Чесныка, Шерстюка, старого Шкарубы и вдруг ощущает силу над ними. «Начнем — другие станицы поднимутся. Пошлю людей туда»... — решает он и протяжно, нараспев, начинает:

— «Иисус же рече им: не видите ли вся сия? Аминь, глаголю вам, не имать остати zde камень на камени, иже не разорится.

Седяще же ему на горе Елеонстей, приступиша к нему ученицы, наедине глаголюще, рцы нам, когда сия будут.

И отвещав, Иисус рече им:

— Блудите!»

— Боже ж мій!.. — вырывается у кого-то в зале.

Атаман Шкаденко пылающим взором обводит зал. Низкой трубою падает бас:

— Не піддамося врагу, брати! Ходімте по станицях, понесемо по людях сіє святеє слово.

Неожиданно для самого себя говорит Заплавский:

— Будемо битися, брати! Палить скажену силу треба!...

— Сжечь проклятых городовиков! — взвизгивает Настасья.

— Сжечь! Сжечь! — остервенело подхватывают бабы.

— Слухай мене! — говорит атаман. — Завтра по углах, по хатах евангеліє читайте всім. Потім скажу; що робить...

— Так точно! — разноголосно отзываются казаки...

Мусиенко... разговаривает с молодым белобрысым Танцюрой.

— Зараз жизнь новая пишла. И я тоби кажу, хлопчику, тільки в артіль и шлях нам усим. Хтось проти колхоза? Дивись...

Тот порывисто хватается Исаака под руку:

— Дядьку, а шо буде, коли вони вернуться?

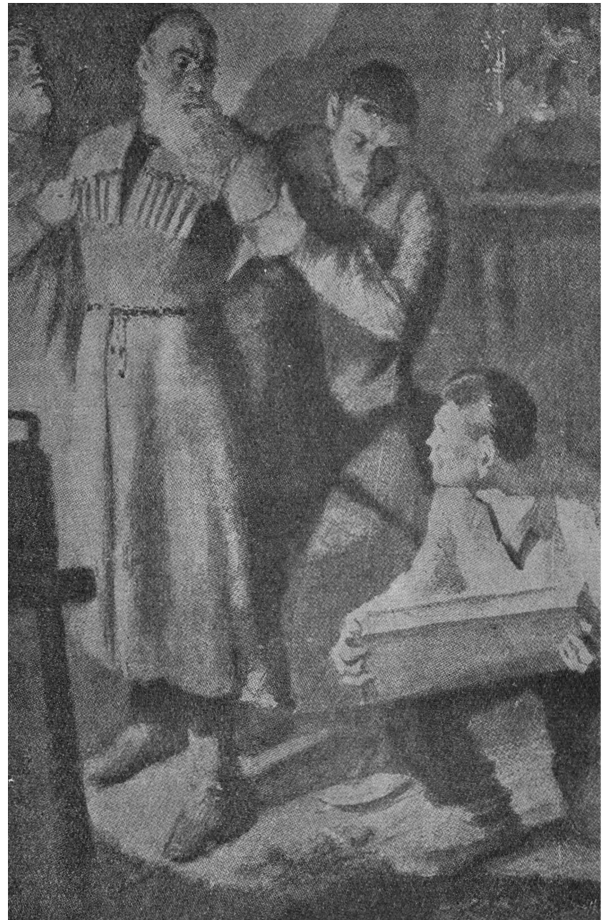
— Хто?

— Та білі... — с дрожью говорит Танцюра. — Вони перебьют нас!...

— Ніколи того не буде!

— А може і буде? — робко возражает Танцюра...

...Три фонаря бьют в лицо атамана. Он щурится. На плечах его и на руках уже повисли люди.



**Обыск и арест Леонтия Федоровича Шкаденко (бывш. Васюринского станичного атамана Николенко).**

Атаман напрягается и рвется... Люди, ровно клещами, держат Шкаденка, а фонари слепят пронзительные глаза его...

Шкаденко уходит в хату. В сенцах остается глухо рыдающая Настасья.

— Где спрятан хлеб? — спрашивает у Шкаденко Петров.

Широкое лицо атамана радостно дергает.

«Верно», — вздыхает, решив сомнения, Абрамов, наблюдающий за атаманом.

Булаш уже гремит на горшце, валит что-то с грохотом. Кринский выстукивает коваными чоботами пол, останавливается у печки. Глинобитный пол здесь звучит мягко и глухо.

— Давай лом! — Лопату!

Ничай, Кринский бьют ломом и лопатою...

— Тут!

Вернувшийся Булаш... сгибается над ямой...

— Ха! — Онъ откидывается. Чувал лопается в

руках его, сыплется смрадное зерно. — Пес! — рывкает Булаш.

Атаман молчит. Бешенно и холодно блестят его глаза...

Кринский вдруг падает на колени, быстро-быстро, как собака лапами, разгребает вонючую созревшую пшеницу. Абрамов направляет свет. Виден угол патронного ящика...

В народном доме Буков обрадованно улыбается Артюшкину, проходит на край сцены.

— Товарищи! Чрезвычайное сообщение!... — Сейчас арестованы кулаки и контрики Шкаденко и Шерстюк. Вы их знаете!

— Знаем! — как один вздыхают в зале.

— У них найдено оружие и сотни пудов сгнившего хлеба...

— Расстрелять! — срывается, вознося кулаки, Андрей Горлопан.

— Тише! — поднимает руку Артюшкин.

Зал рычит и стонет. Вместе с другими кричит и Исаак Мусиенко:

— Расстрелять!...

...По надкубанской тропе скачет Дзюба, яростно плетит храпящего коня.

— Ще побачимо! Сили есть! Ще побачимо! — безумно твердит есаул, ослепший от вихря и от тьмы...

*(Продолжение следует)*

# ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерк на тему: Казачество и Россия)

Часть III.

*(июнь - декабрь 1919 г.)*

К 3-му ноября, в общем, создалось следующее положение в Екатеринодаре: Кубань была включена в тыловую район Кавказской армии и всеми вооруженными силами, расположенными на Кубани, с согласия Войскового Атамана Филимонова и военного министра ген. Звягинцева, фактически распоряжался ген. Покровский; те самые генералы, которые так были возмущены брошенным в их адрес неосторожным обвинением, которые так горячо защищали честь, порядочность и прочие хорошие людские качества, теперь притихли и никто из них почему то не протестовал против насилия над целым Кубанским Казачеством, хотя многие из них присягали соблюдать законы, установленные Кубанской Краевой Радой, состоявшей из представителей всего коренного населения Кубани.

Хотя 2-го ноября Краевая Рада единогласно и категорически опротестовала распоряжение о включении Кубани в тыловую район Кавказской армии и приказала Кубанскому Атаману и Правительству оберегать самостоятельность Кубани, но фактически Кубанская исполнительная власть никаких действительных мер к проведению в жизнь этого постановления Рады не предпринимала, при чем Кубанский Атаман с целой группой членов Рады поддерживал дружеские отношения с ген. Покровским и после того, как уже было им известно, что Покровский с минуты на минуту может приступить к арестам членов Рады, список которых был известен и Филимонову, и Скобцову, и их «политическим друзьям». Председатель Кубанского Правительства, исполнявший в то же время обязанности министра внутренних дел, встречался с ген. Покровским, вел с ним мирные разговоры и даже брался устроить встречу самостийников с ген. Покровским. О списке лиц, намеченных к уничтожению, кроме А. И. Кулабухова, председатель Правительства не знал.

Словом, одни совершенно сознательно предавали своих коллег по Краевой Раде, а другие попустительствовали...

Покровский имел постоянно около себя группу в несколько десятков преданных идее переворота офицеров, кубанских и русских, бдительно охранявших его. Поддерживали Покровского и военные училища, находившиеся в Екатеринодаре, что определялось, конечно, тем, что офицерский состав этих училищ был на стороне Добровольцев.

Следует здесь отметить и то, что в закрытом вечере заседании Краевой Рады член ее С. Ф. Манжула прочитал очередное донесение ген. Деникину в Таганрог, составленное группой офицеров, в которую входили высшие должностные лица в Кубанском Крае. Эта группа непосредственно от себя посылала сообщения в штаб Деникина о политической и военной ситуации в Екатеринодаре. Участники этой группы, назван-

ные по фамилиям, не отрицали самого факта своего участия в такой тайной работе, направленной против Рады. Когда потом арестованных членов Рады перевозили из Екатеринодара в Новороссийск для дальнейшей отправки за границу, начальник караульной команды, кубанский полковник Х., вызывал к себе в вагон С. Ф. Манжулу и долго, но безуспешно, добивался узнать, кто из офицеров выдал самостийникам состав и работу этой группы высоких должностных лиц...

Что делали в то время те, против кого были направлены удары Деникина - Врангеля - Покровского - Науменко - Филимонова? Во-первых, их задачей было направлять работу Краевой Рады так, чтобы она не сошла с самостийнических позиций и своими постановлениями отбивала нападения Деникина и его помощников. В этом, как мы видели выше, самостийники имели полный успех: Рада единогласно отбрасывала нагиски русских и стойко защищала самостийнические позиции. Настроение Рады было настолько крепким в этом отношении, что даже те лица, которые, как потом оказался, принимали прямое участие в заговоре, голосовали вместе со всей Радой (поднятием рук). Во-вторых, самостийники приняли особые меры, чтобы создать такую охрану Рады, которая могла бы с успехом выдержать вооруженное нападение Покровского.

Самостийники полагали, что необходимо выдержать первый натиск переворотчиков, пока не будут пушены самостийниками в ход казачьи войсковые части гарнизона г. Екатеринодара, и пока приведенные с фронта казачьи бригады полк. Буряка не разберутся, в чем дело, и не присоединятся к казачьему гарнизону, защищающему Краевую Раду. Квартира заместителя председателя Рады, где почти каждую ночь собирались самостийники на совещания, также охранялась командой казаков, расположенной внутри здания (на Соборной площади). И надо признать, что отборный состав казачьих и прекрасный состав офицеров охраны Рады давали самостийникам уверенность в том, что отряд охраны Рады, состоявший всего из 180-200 человек, с успехом выполнит возложенную на него ответственную задачу. Необходимо сказать, что после того, как Атаман Филимонов передал ген. Покровскому все вооруженные силы Кубани, только отряд Рады не подчинился Покровскому.

Особенно следует подчеркнуть то важное обстоятельство, что руководители самостийников даже в своей тесной среде ни разу не ставили и не обсуждали даже вопроса о возможности или необходимости каких-либо вооруженных выступлений с их, самостийников, стороны, против воли Кубанской Краевой Рады и поставленных ею властей. Казалось, что в таком выступлении нет никакой нужды, ибо только 2-го ноября Краевая Рада единогласно постановила поручить Атаману и Правительству, как органам исполнительной власти, принять все необходимые меры для торжества

принципов, положенных в основу государственного строительства Кубанского Края.

О всей закулисной работе заговорщиков, оставшихся в живых и попавшие за границу, самостийники узнали только здесь, за границей. Больше того, когда группа самостийников, высланных за границу, находилась в гор. Константинополе, в марте 1920 г., туда прибыл даже ген. В. Г. Науменко и с ним высланные вели совершенно мирную беседу, так как тогда еще не знали о той роли, какую он сыграл при перевороте на Кубани.

Возвращаясь теперь к событиям первых чисел ноября 1919 г., ради полной объективности, не мешает отметить и то, что один из самостийников, П. Л. Макаренко, 3 ноября, в послеобеденном заседании Краевой Рады выступил с пространной речью, в которой подчеркнул прошлую долгую борьбу России против соседей, окончившуюся победой России; указал на то, что, по его мнению, и в настоящее время пронекает та же титаническая борьба между Россией и ее соседями; что против самостийников разных народов ведут наступление русские большевистские силы под руководством Ленина, с одной стороны, и русские монархические силы, с другой... Едет историческая русская колесница и под ней трещат кости покоренных народов; говорил о том, что самостийники борются за самостоятельность Кубанск. Края, добиваются своей Кубанской армии, ищут соглашения с соседями, но они не замыслиют вооруженный переворот и находят и далее необходимым единое командование антибольшевистскими силами...

Целью этого выступления было искреннее желание устранить возможную кровавую развязку отношений на Кубани, устранить кровопролитие, к успешному завершению которого самостийники не были подготовлены в полной мере; по существу, они еще не имели своей стройной, с ясной программой и тактикой организации; их выступления в Раде, на Донском Круге, в газете «Кубанская Воля» свидетельствовали о том, что они еще не собирались отделять навсегда Кубань от России, что они будто бы стоят за федерацию; некоторые самостийники публично иногда говорили и писали, что на них клеветают, когда их называют самостийниками; самостийники в начале ноября 1919 г. не имели в своем распоряжении вооруженной силы, если не считать незначительного, сравнительно, отряда охраны Рады, достаточного только для первого отпора; самостийники тогда не имели в своем распоряжении столько подготовленных людей, чтобы в свои руки взять кубанские вооруженные силы.

Не безинтересно будет привести здесь ту оценку положения Кубани и Казачества вообще, которую дал глава Кубанской заграничной делегации Л. Л. Быч в своем очередном письме из Парижа, датированном 4-м ноября 1919 г.:

«Неполучение от Вас сообщений в продолжении весьма значительного времени начинает нас сильно беспокоить, тем более, что здесь прошли тревожные слухи о событиях на Кубани... Но вот вчера барон Штенгель передал нам, что он слышал от бывшего военного атташе ген. Игнатьева, что Деникин прислал в Екатеринбург отряд для разгона Законодательной Рады, который и произвел аресты некоторых членов Рады... Впрочем, этим сведениям мы не даем полной веры, так как трудно допустить, чтобы на руководителей добровольческой армии напало такое ослепление, что они осмелятся поднять руку на Раду, особенно, если они читали приговора станиц по поводу убийства Н. С. Рябова... Ну, а затем, вероятно, не трудно предвидеть, что последовало бы за разгоном Рады на фронте. Нам лачно бы следовало твердо себе усвоить, что мы, казаки, являемся основой, и я сажу, даже единственной вполне реальной и надежной силой, на которой базируется борьба с большевизмом, и потому, казалось бы, не нам должны диктовать свою волю и желания, а мы можем, вместе с Доном и Тереком, диктовать эти условия другим. И тем более это было бы поавильно, что мы для себя ничего не требуем: мы стоим на точке зрения защиты интересов нагода и свободы. И если теперь, когда в нас так сильно нуждаются, с нами,

с нашими нуждами совершенно не считаются, то нужно себе представить, как с казаками будут обращаться, если доберутся до настоящей власти и мы больше не будем нужны, как пушечное мясо»...

В этой выдержке важно подчеркнуть, что и глава Кубанской заграничной делегации Л. Л. Быч не верил, чтобы добровольческие генералы осмелились «поднять руку на Раду»...

Точно так думали и тогдашние вожди самостийников на Кубани, и на этом и провалились. В эти трагические дни, обыкновенно, по окончании вечерних заседаний Краевой Рады некоторые из группы самостийников собирались на квартире у заместителя председателя Рады И. Л. Макаренка и бсуждали создавшееся положение и дальнейшую тактику. Состав участников этих совещаний не был постоянным, бывали там: И. Л. Макаренко, Султан-Шахин-Гирей, А. И. Кулабухов, Ф. К. Воропинов, И. А. Билый, С. Ф. Манула, М. Х. Хатгогу, Г. В. Омельченко, П. Л. Макаренко и др.

При чем, на этих собраниях не ставился и не обсуждался вопрос о том, чтобы самостийники взяли на себя **почин** военного переворота на Кубани. Все решали делать **через Раду и по постановлению Рады**. И это было ошибкой, как показали события ближайших дней.

Следует отметить и то, что даже на этих узких собраниях самостийников не было избрано одно лицо, которое должно было бы, при чрезвычайных обстоятельствах, сосредоточить в своих руках все руководство борьбой, когда уже не представлялось бы возможным собирать совещания. Поэтому, когда пришло время для решительных действий, оказалось, что среди самостийников **не было вожда**, авторитет которого об'единял бы, возглавлял и направлял работу в то время, когда надо было предпринимать быстрые и решительные действия.

Словом, самостийническое возглавление не являлось, к сожалению, боевой организацией, а представляло из себя группу людей, решивших вести борьбу исключительно **парламентскими способами**. Когда против них выступила военная организация, самостийники были разгромлены.

Самостийники жили твердой верой в людскую честность, порядочность, в ненарушимость присяги... Они не верили, чтобы целая группа лиц, приняв присягу на верность Кубанскому Краю, нарушила бы эту присягу. Самостийники прекрасно знали, что без прямой помощи со стороны кубанцев Покровский на переворот не пойдет. Зная это и не веря в предательство, самостийники оберегали Раду от нападения группы заговорщиков и в этом отношении предпринятые шаги были, как будто, достаточны...

Сам Покровский и все его главные кубанские помощники отлично понимали, что прямым нападением на Раду цель переворотчиков не может быть достигнута, так как охрана Рады с успехом выполнит свое назначение, а могущий наступить после первого вооруженного столкновения открытый бой между защитниками Кубани и сторонниками Доборармии не давал русским надежды на успех.

Ставка Деникина весьма нервничала, благодаря медлительности действий Покровского. Врангель волновался в Кисловодске. Большевики уже взяли Капторную, разорвав фронт на две части, а Покровский все «бездействовал»...

3-4 ноября в Екатеринодаре создалось, казалось, безвыходное положение: самостийники не переходили к ликвидации Покровского, а Покровский не решался еще пойти на риск — ворваться в Краевую Раду с группой своих офицеров и произвести аресты: не мог он открыто повести против Рады и тех казаков, которые были приведены с фронта, а без этих казаков он не мог справиться с охраной Рады... Один из организаторов переворота — проф. К. Соколов говорит: «Между получением генералом Покровским инструкций от генерала Врангеля и началом активных действий прошло несколько дней. Наши правительственные круги ставили даже в упрек генералу Покровскому такое промедление. Но, повидимому, оно вызывалось особенностями обстановки, сложившейся в



Екатеринодаре и требовавшей большой осторожности и тщательной подготовки» (цит. выше статья Соколова, стр. 250).

Как мы знаем, генерал Деникин 1-го ноября приказал произвести переворот «по обсуждению вопроса с Кубанским Войсковым Атаманом». Необходимость советоваться с Атаманом связывала, конечно, ген. Покровского. Зато только явное попустительство Атамана могло обеспечивать успех всего генеральского противокубанского предприятия.

Было решено взять самостийников обманом. Д. Скобцов рассказывает, что во время свидания с ген. Покровским он, Скобцов, посоветовал будто бы своему собеседнику поговорить с «вожаками большинства» и что Покровский принял этот совет. Это было 4 или 5 ноября. Атаман Филимонов согласился эту «мирную встречу» ген. Покровского с «вожаками большинства» устроить у себя во дворце. Чтобы прикрыть действительные намерения переворотчиков, решено было объяснить самостийникам, что Атаман Филимонов, по просьбе ген. Покровского созывает у себя во дворец совещание членов Рады, как группы самостийников, так и группы «линейцев», для совместного обсуждения с ген. Покровским и Атаманом выхода из создавшегося положения.

В этом смысле Атаман Филимонов 5-го ноября около 4-х часов вечера написал собственноручное приглашение на имя заместителя председателя Краевой Рады И. Л. Макаренко. В этой записке была указана цель созываемого совещания и список членов Рады, «черноморцев» и «линейцев», которые приглашались на «совещание» на 7 часов вечера того же дня.

И. Макаренко, получив эту записку, пригласил к себе на квартир<sup>у</sup> тех самостийников, которые значились в списке приглашаемых на «совещание». В своей среде самостийники установили, что решение вопроса об отношении к приглашению Атамана может быть такое: на «совещание» во дворец Атамана не идти или идти, но при условии, что перед началом совещания из охраны Рады будет послан ко двору достаточно сильный отряд хорошо вооруженных казаков и будет расположен в сквере непосредственно против атаманского дворца, после этого приглашаемые явятся во дворец и начинается «совещание».

Пока заместитель И. Макаренко в своем кабинете в доме Богарсукова поджидал приглашенных членов Рады, время затянулось и было уже 7 часов, когда уже должно было бы начаться во дворце «совещание». Атаман Филимонов несколько раз звонил И. Макаренко, прося его поторопиться во дворец со всеми приглашенными. В конце концов, И. Макаренко ответил Атаману, что приглашаемые на «совещание» явиться не могут, так как в тот же день было вечернее заседание Рады. Ответ этот был простой отговоркой, так как, в конце концов, решено было на «совещание» не ходить.

Уже за границей быв. Атаман Филимонов об этом несостоявшемся «совещании» писал так:

...«В Екатеринодар прибыл Покровский. Ген. Деникин, заявил мне Покровский, «настаивает на немедленном аресте Кулабухова и всех видных представителей оппозиции, всего около тридцати-сорока человек. Кулабухов же должен быть арестован в первую очередь». Я начал доказывать Покровскому, что эти аресты совершенно недопустимы, что пользы от этого, разумеется, никакой не будет. «Может быть, эти господа, » заявил тогда Покровский, «найдут нужным и возможным устроить вместе со мною совещание». Я согласился на просьбу Покровского помочь ему устроить такое совещание, причем Покровский просил, чтобы все это происходило у меня. «В другое место», говорил он. «Эти господа вряд ли поймут» (напомним, что Д. Скобцов рассказывает, что это он, Скобцов, посоветовал собрать такое совещание во дворце Атамана или на квартире у Председателя Правительства). Согласившись и на это, я потребовал, однако, у Покровского, чтобы он гарантировал личную неприкосновенность всех членов Рады, которые придут на совещание. Покровский заверил меня честным словом, что он гарантирует полную безо-

пасность участникам совещания (просто замечательно: глава вооруженных сил Края, Атаман, дворец которого охранялся казаками, у входа во дворец были казаки, «просил гарантировать личную неприкосновенность» членов Рады — гостей Атамана да еще в атаманском дворце; тут что-то не в порядке). Разговор этот происходил 5 ноября в 4 часа дня. Совещание было назначено в тот же день в семь часов вечера. В присутствии Покровского я написал председателю Краевой Рады Ивану Макаренко записку о том, что прошу представителей оппозиции прибыть ко мне на совещание. Для того, чтобы это не бросалось в глаза, я пригласил и лидеров, поддерживавшей меня группы. Все они обещали прийти, предупредив, что немного опоздают. Но не было еще семи часов, когда я, сидя у себя в кабинете, услышал, что по лестнице поднимается большая группа лиц. Меня это заинтересовало, и я послал узнать, в чем дело. Оказывается, это пришел ген. Покровский и с ним человек семь-восемь офицеров. Я тогда пригласил Покровского в кабинет к себе и спросил его: что же это значит? В ответ на мой вопрос Покровский довольно развязно заявил, что он решил при выходе с совещания арестовать «всех этих господ». Но, ведь, вы дали мне обещание не делать этого. Осуществление вашего проекта я считаю совершенно недопустимым... «Вы здесь не при чем», возразил Покровский, «арестовывать буду я, а не вы. Я отвечаю за свои поступки. Я — дал слово, а теперь — беру его обратно. Мною уже отдан соответствующий приказ гвардейскому дивизиону окружить этот дом. Тогда я заявил Покровскому, что не допущу ареста и что совещание у меня не состоится, так как предателем я не был и не буду... После разговора со мною Покровский согласился отпустить офицеров и дал слово, что отменит все свои распоряжения. Однако, я все же принял меры предосторожности, немедленно вышел в соседнюю комнату и протелефонировал Ивану Макаренко, что сам приеду в Раду и что назначенное совещание отменяется» (цит. выше статья А. П. Филимонова «Разгром Кубанской Рады», стр. 326-327).

В этом сообщении Филимонова правда перепуталась с неправдою. Явным вымыслом является сообщение его о том, что он будто бы расстроил совещание, когда узнал об истинных намерениях Покровского. Во-первых Филимонов давным давно знал о действительных намерениях Покровского, во-вторых, самостийники сами отказались явиться на «совещание», так как для них было совершенно ясно, что дворец Атамана является простой ловушкой.

Когда Филимонов и Покровский увидели, что назначенные к зрству лица во дворец Атамана не явились и этим расстроили их план, во дворце Атамана произошло следующее:

«После этого Покровский», рассказывает Филимонов, «снова пришел ко мне в кабинет и сообщил список лиц, которых он считал необходимым арестовать. В списке было человек тридцать. На мое возражение, что это совершенно недопустимо, Покровский ответил, что он готов ограничиться и меньшим числом, при этом он высказался в том смысле, что хорошо было-бы, если-бы подлежащие аресту разбежались. Последнее указание я пропустил мимо ушей, так как уж, конечно, я не мог делать такого предложения своим политическим противникам. После долгих переговоров, Покровский остановился на шести лицах, подлежащих аресту. Такими были: Петр и Иван Макаренко, Манжула, Воропинов, Роговец и Безкровный. Об этом он сообщил мне официально, как о своем ультимативном требовании, в случае неисполнения которого он прибегнет к силе оружия. Его ультимативное письмо начиналось по общей форме словами «милостивый государь» (цит. статья Филимонова, стр. 327).

Как видим, Кубанский Атаман в атаманском дворце принял непосредственное участие в составлении списка лиц, подлежащих аресту, а перед этим только тот же Филимонов пишет, что он протестовал против ареста, что он расстроил «совещание», что он

был так благороден, что не хотел посоветывать «своим политическим противникам» разбежаться...

Что же делает выборный Кубанский Атаман, получив «ультимативное требование» о выдаче Покровскому членов Рады?

Он не приказал немедленно арестовать ген. Покровского и предать военно-полевому суду за работу против Кубанского Края. Он также не кликнул клич к войскам стать на защиту Кубани...

Вместо этого ген. Филимонов спешит в Краевую Раду и, прибыв туда, обращается к председательствующему в Раде Ивану Макаренко с устным заявлением о выдаче А. И. Кулабухова ген. Покровскому, исполняющему приказ Деникина от 25 октября.

В это время в закрытом заседании Рады шло весьма напряженное и весьма бурное обсуждение вопроса о деятельности Кубанской заграничной делегации вообще и о подписанном ею проекте «договора дружбы» в частности. При этом горячие защитники идеи сохранения единой и неделимой России, такие как соц.-рев. доктор Н. С. Долгополов, соц.-дем. Коробин и другие, весьма энергично осуждали деятельность Делегации. Депутат Коробин истерически вопил на всю Раду, что в «договоре дружбы» он не видит России: «Здесь России нет», «здесь России я не вижу». С другой стороны, кубанские самостийники так же энергично загидали и Делегацию, и А. И. Кулабухова...

На заявление Атамана Филимонова о выдаче А. И. Кулабухова председательствующий в Раде И. Макаренко потребовал от ген. Филимонова письменное подтверждение. После этого Атаман Филимонов уехал к ген. Покровскому.

Этот разговор между Атаманом и председательствующим в Раде произошел под шум речи одного из депутатов, при чем члены Рады не знали содержания этого разговора.

Как только Филимонов уехал к Покровскому, председательствующий в Раде приказал подчиненной ему охране занять все входы и выходы в здании, где заседала Краевая Рада (зимний театр), занять телефон и без особого разрешения председательствующего никого не впускать в помещение Рады и никого не выпускать из этого помещения, а также без особого разрешения председательствующего не позволять вести разговоры по телефону... Рада была изолирована от внешнего мира.

Сейчас же было устроено летучее совещание некоторых из самостийников, на котором было решено: если только Войсковой Атаман привезет в президиум Рады письменное подтверждение требования Покровского о выдаче А. И. Кулабухова, немедленно это требование доложить Краевой Раде и далее констатировать, что Кубанский Атаман из главы Края и вождя вооруженных сил Кубанского Края превратился в посыльного ген. Покровского, что поэтому Кубань осталась фактически без Атамана, которому только недавно, 2-го ноября, приказала неукоснительно соблюдать Конституцию Кубани, а значит, ликвидировать ген. Покровского; так как на перевыборы Атамана совершенно не было времени и возможно было ночное нападение ген. Покровского на Раду, предложить Раде самой временно взять в свои руки высшую исполнительную власть в Кубанском Крае на время полной ликвидации возникшего конфликта между Добармией и Кубанью, т. е. временно всю полноту власти Войскового Атамана передать президиуму Краевой Рады во главе с Иваном Макаренко.

Предполагалось, как только Краевая Рада одобрит такое предложение, президиум немедленно возьмет в свои руки исполнительную власть, особым актом опо-

вестит об этом население Кубани и примет меры для немедленной ликвидации гнезда заговорщиков во главе с ген. Покровским, и вообще президиум Рады примет все необходимые меры, как во внутренней, так и во внешней политике Кубани.

Словом, руководители самостийников налету приняли решение через постановление Краевой Рады временно фактически взять власть в свои руки (большинство в президиуме Рады имели самостийники) и вывести Кубанский Край из того ужасного и крайне унижительного положения, в котором он находился. В связи с этим планом, еще до возвращения ген. Филимонова от ген. Покровского, было послано казачьим частям гор. Екатеринодара от президиума предупреждение быть наготове и по первому требованию выступить к зданию заседаний Рады.

В очень скором времени Филимонов привез и передал председательствующему в Раде И. Макаренко письмо Покровского на имя Атамана о выдаче А. И. Кулабухова.

Здесь будет уместно отметить, что сообщение Филимонова в его статье «Разгром Кубанской Рады» о том, что он, Филимонов, будто бы огласил в Раде в ночь с 5-го на 6-е ноября письмо ген. Покровского о выдаче шести членов Рады, в состав коих А. И. Кулабухов не входил, не соответствует действительности: никакого письма о выдаче шести членов Рады в ночь с 5-го на 6-е ноября президиуму Рады предъявлено не было, также и сам ген. Филимонов подобного письма в том заседании Рады не объявлял; в ту ночь речь в Раде шла только об А. И. Кулабухове, что, конечно, не исключает возможности нахождения в то время в руках Филимонова и письма о выдаче и шести членов Рады...

По получении из рук Филимонова письма Покровского о выдаче А. И. Кулабухова, на трибуну Рады выступил заместитель председателя Рады И. Л. Макаренко, прочитал Раде привезенное Филимоновым письмо, в коротких словах обрисовал создавшуюся обстановку и предложил Раде временно, до ликвидации конфликта между Кубанью и Добровольческой армией, взять всю власть в руки Рады, поручив президиуму принять необходимые меры. И. Макаренко констатировал, что после того, как Атаман Филимонов превратился в адъютанта ген. Покровского, «у нас нет Атамана!» На это заявление кто-то из сторонников Филимонова — Деникина — Покровского выкрикнул: «Есть Атаман!» Обращаясь лицом к кричавшему, И. Л. Макаренко резким голосом повторил: «Нет Атамана! У нас нет Атамана!» В ответ на это среди депутатов Лабинского отдела поднялся крик нескольких депутатов: «У нас есть Атаман!» При чем депутаты этого отдела начали схватываться с мест и громко и дружно выкрикивали все то же: «У нас есть Атаман!!!»

Все это произошло чрезвычайно быстро. Поднялся сильный шум среди депутатов. Наступил перерыв заседания Рады...

Пришел решающий момент, предопределявший дальнейший ход событий... В перерыве почти все депутаты оставались на своих местах, обсуждая создавшееся положение. Фракция иногородних (свыше 50 человек) вызвала к себе одного из самостийников и попросила объяснить, какой, собственно, план дальнейших действий имеют самостийники в случае перехода власти в Крае к президиуму Рады, и имеют ли самостийники в своем распоряжении достаточную вооруженную силу, чтобы в действительности провести в жизнь намеченные нелегкие мероприятия, как во внутренней жизни Кубани, так и в ее внешней политике. Фракция иногородних получила необходимые разъяснения и заверения, что казачий гарнизон г. Ека-

## ПОПРОСИЛИ ЧЕСТЬЮ

В то время как некоторые европейские государства ухаживают за Советским Союзом, возлагая на него некоторые свои надежды и давая ему надежды свои, нашлось одно небольшое государство в южной Америке, которое, убедившись в «плодотворной» работе товарищей из Москвы, указало им на дверь:

Уругвай разорвал дипломатические сношения с СССР, отозвал своего представителя из Москвы и предложил советскому представителю покинуть Монтевидео.

териодара, вне сомнения, поддержит Краевую Раду в возможной вооруженной борьбе с силами, которыми в действительности располагал ген. Покровский..

В это время Атаман Филимонов послал своего адъютанта к телефону, находившемуся за сценой, сообщить ген. Покровскому о том, что его письмо о выдаче А. И. Кулабухвы уже оглашено в Раде. Часовой у телефона не позволил разговора по телефону без разрешения председательствующего в Раде. Тогда ген. Филимонов сам направился к телефону, но результат получился тот же самый — без разрешения председательствующего говорить по телефону нельзя.

В связи с этим и с обнаружившейся ролью Фили-

монова на сцене за столом президиума Рады произошли очень бурные объяснения между Филимоновым и некоторыми самостийниками, в глаза и громко упрекавшими Филимонова в предательстве. Эти жаркие словесные схватки едва не окончились стрельбой из револьвера по Филимонову...

На поверхность бурной жизни в Раде вдруг снова выплыла давняя истина: там, где необходимо быстро и решительно действовать для разрешения тех или иных государственных вопросов, там должна действовать **единоличная** власть.

*(Продолжение следует)*

**Николай Посохов**

## Пути предков

*(Продолжение).*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Прошли две недели и канули в вечность Казаки пользовались всяким удобным случаем, чтобы делать запасы, как снаряжения, так и продовольствия; спускаясь с гор к путям, по которым отходила казачья армия, они забирали и вывозили в горы все, что оставалось после уходивших и одновременно с этим устраивали засады по следовавшим за уходившими казаками раз'ездам красных.

Первые попытки зеленых сговориться с наступающими красными не имели никакого успеха. Посланные переговорщики предлагали красным командирам, чтобы они, изгнав русских белых, возвращались бы к себе, в Россию, и оставили бы казаков в покое. Вернувшись, парламентарии заявили, что штаб красной армии предлагает всем зеленым сдаваться в плен. На общем сборе всего отряда горячо обсуждали предложение красных и решено было послать такой ответ:

Казаки с вами, русскими, войны не начинали, а только защищались, когда вы напали, защищая свою родину и свои очаги. Новая русская революционная власть, начав войну с казаками и другими самоопределившимися народами, нарушила основной принцип революции, именно раскрепощение народов от насилия и произвола вековых угнетателей. Нарушив свой девиз, начертанный на революционном знамени: «самоопределение народов», новая русская власть вела войну с освободившимися народами для нового их закабаления. Нам, потомкам степных рыцарей, ненавистно всякое чужое ярмо. Себя мы побежденными никогда не считали и в плен не сдаемся, а если захотите взять силой, приходите в горы — будем защищаться до последнего...

Отправив ответ, отряд усилил наблюдения за подступами к перевалу. Однажды со стороны Сочи к перевалу начала приближаться большая группа конных всадников. Взяв с собой пол сотни, атаман Нагаец выехал навстречу. Перешедшие перевал выбросили белый флаг. Это были казаки, не захотевшие сдаваться в плен красным. Почти все это были донцы и несколько кубанцев. С ними оказался хорунжий Хомутов, который, обратившись к уряднику Нагайцу, заявил:

— Вот, казаки, и я, мы просим вас пропустить нас. Наше решение пробраться к себе на родину в наши станицы и, если можно, быть не замеченными красными и жить в станицах. В плен мы не захотели сдаваться. Русским и наши отцы не верили и мы тоже, а наши атаманы нас обманули и привели к морю. Сами сели на русские пароходы и уехали, а нас оставили на берегу. Ведь нас одних только донцов пришло к морю тысяч пятьдесят. Только это мы собрались потребовать к ответу ат, Богаевского, да было уже поздно, он уехал. Надо было еще на Дону расправиться с ним и его помощником, как в былые времена наши деды расправлялись с изменниками-атаманами, т. е. в куль да в воду.

— Эх, братцы, отозвался один из прибывших кубанцев, не один ваш Богаевский так поступил. Тоже и наш атаман, Терский тоже, как бы сговорились, вместе с русскими генералами завели обманом казаков к морю, все говорили, союзники привезут из-за границы снаряжение и пушки и все необходимое и тогда мы, переформировавшись в одну казачью армию, будем очищать наши земли от лапотников. А когда уже были у самого моря, то узнали, что атаманы уехали и генерал Морозов переговаривается о сдаче в плен красным всей армии.

— Если бы вы видели все картины отступления казачьих полков вместе с населением, которое не хотело остаться под властью русских!.. Калмыки со всеми своими семьями, в кибитках по черноземной кубанской земле не могли поспевать за армией, оставляя на пути все, иногда даже самое необходимое и на легке с лошадьми и семьями продолжали отходить дальше... А сколько больных и раненых казаков осталось по пути в станицах! А когда в Сочи узнали, что грузины не пускают через границу и пароходов нет, многие, кто могли, компанией покупали барки и уплывали. Ведь это значит — на верную смерть, заключил хорунжий Хомутов.

— Да, станичники, вмешался в разговор Джигит, молча слушавший до сего все рассказы прибывших. Все мы сами во многом виноваты, т. к. поздно заметили, что наши атаманы не с нами, а против нас... Они больше думали о России и служили ей, а не своему народу... Они лили казачью кровь за русское гиблое дело; теперь уже они далеко, нас разделяет море. У нас остался единственный защитник всемогущий и справедливый Бог, да наша казачья честь и руки. Нас здесь в лесу много и мы решили бороться с насильниками и, если надо будет умереть, то умрем вольными, а не рабами...

— Это вы правильно, станичник, поддержал хорунжий Хомутов, у нас, у донцов, тоже так думают, как и вы, и многие предпочтут бороться с пришельцами, чем подставлять свою шею в их ярмо.

— Г-н атаман, раздалось несколько голосов прибывших, примите нас в свой отряд. Будем вместе бороться с общим врагом. Если нам суждено увидеть свои станицы, мы можем вернуться и после.

— Что-же, станичники, оставайтесь, вместе будем казаковать и делить и радости, и горе, и лишения...

Хорунжий Хомутов тоже остался в отряде. С увеличением отряда увеличились и заботы атамана. Часть казаков, запасшись документами убитых раньше красноармейцев, переодевшись солдатами, спустились с гор для разведки по станицам. Только через месяц вернулись разведчики, исколесив всю Кубань, заглянув в ближние ставропольские села, но не все они вернулись сюда. Некоторые из них, повидимому, были взяты в плен или погибли...

Джигит был очень изумлен, когда увидел среди разведчиков заросшего окладистой бородой хорунжего Дикого, с которым он лежал в лазарете и которого теперь было очень трудно признать, так он изменился. Друзья бросились в объятия. Оба были взволнованы столь необычной встречей.

— Ну, тезка, садись и рассказывай все о себе с тех пор, как мы расстались, обратился Джигит к хорунжему Дикому, усаживая его рядом с собой.

Расположились здесь же в кружок, а казаки обступили сидевших и внимательно слушали рассказ Дикого:

— После того, как ты выписался из лазарета, начал он свой рассказ, я тоже через неделю вылез из лазарета и уехал на фронт в полк. Мой полк был уже под Харьковом. Я прибыл, когда красные уже заняли Харьков. Армия стала терпеть поражение за поражением. Русские красные солдаты, руководимые опытной рукой старых русских генералов и офицеров, побеждали нас... С какой щемящей болью покидали мы наши родные станицы, наши города, курени и земли, за которые наши предки лили свою кровь... Многие наши семьи, жены, сестры, матери уходили с нами. Некоторые оставшиеся посылали нам вслед проклятия за то, что мы не сумели отстоять свою казачью волю.

Весь наш отход до самого Черного моря, до Сочи, это ужасная картина небывалого кошмара. Во время отхода держались слухи, что в горах мы перестроимся в отдельную казачью армию и без русских уже, получив помощь от союзников всенным снаряжением, начнем снова освобождать свою родину от врагов. Но в Сочи стало ясно, что все эти слухи о казачьей армии простой вздор и предательство атаманов предстало перед нашим взором во всей своей неприглядной наготы. Скоро мы узнали, что ген. Морозовым ведутся переговоры о сдаче армии в плен красным. Атаманы и генералы переехали в Крым. Какие муки могут сравниться с горечью и обидой истрадавшей казачьей души, понявшей, наконец, всю низость своих избранников, которым мы так слепо вручили свою судьбу.

И вот, началась сдача в плен. Прибывшие «красные» старые русские офицеры и генералы с коммунистами, сортировали, переписывали «белых» офицеров и казаков, наполняли ими товарные вагоны до отказа и целыми поездами отправляли в Екатеринбург, Новочеркасск. Армавир, заполняя пленными тюрьмы и подвалы. Уже в тюрьме мы узнали, что из пленных казаков и офицеров формируют корпус, чтобы послать его не то против Польши, не то против Финляндии.

Я ждал, что и я попаду в это число, но напрасно. Я все оставался в тюрьме. Говорили, что нас будут судить. За что — мы сами не знали. Видимо, за то, что мы имели несчастье быть офицерами и боролись против насилия. Но, никакого суда над нами не было, а только стали перед вечером обыкновенно приходить к нам в тюрьму комиссары со списками, вызывали по фамилиям человек 10 и под конвоем уво-

дили. Уходившие больше не возвращались. Говорили, что их уводили на расстрел... В таком ожидании своего смертного часа жили все заключенные.

В одну из таких переключек вызвали и меня и всех нас, человек 15, посадили на грузовой автомобиль и повезли за город. В грузовике было несколько лопат. С нами же сели и солдаты конвоиры. За городом нас поставили в ряд, дали нам лопаты и начали рыть, но вдруг все, как один, бросили лопаты и повернувшись к солдатам, закричали: «Чтож вы думали, что казаки всегда будут себе рыть могилу. Если расстреливать, то расстреливайте». Солдаты сперва думали, что мы бросимся на них и взяли ружья на изготовку. Но красный унтер — офицер, расположив нас в ряд вдоль начатого рва, отвел и выстроил свой взвод в 20 шагах. Воцарилось гробовое молчание. Наступил жуткий момент. Помню, кто-то рядом со мной шептал слова молитвы и крестился. Я не помню, слышал ли я команду «пли!» или нет. Только, когда я пришел в себя, я почувствовал на себе что-то тяжелое и все мое лицо было покрыто какой-то липкой слезой. Вдруг мысль мою, как молния, прорезало сознание случившегося. Я думал, что я заживо погребен. Приняв за землю тяжесть, которая лежала сверху меня. Царила мертвая тишина. Я шевельнулся и вдруг почувствовал, что тяжесть, лежавшая на мне, скатилась и я увидел ярко горящие на небе звезды. Была ночь. Ощупав тот предмет, что скатился с меня, я ощутил холодный труп расстрелянного соседа; животная, эгоистическая радость охватила все мое существо. Попробовал рукой ощупать лицо, покрытое чем-то липким, и вдруг почувствовал в ней острую, режущую боль. «Значит, я ранен», пронеслось в мозгу, но радость и сознание, что я еще жив, заглушила эту боль. Я стал на ноги. Армавир горел огнями. С окраины доносился вой собак. Осмотревшись вокруг и не видя никого, я поспешил уйти от страшного места. Ориентировавшись, я решил пробраться в Прочный Окоп к своему знакомому Павлу Дубкову. Во встретившемся по пути роднике, я смыл с лица кровь и, промыв рану, туго завязал ее куском, оторванным от рубахи.

Пробравшись в Прочный Окоп и разыскав своего знакомого, снова перевязал рану и, переодевшись в платье рабочего, которым он меня снабдил, я ночью же продолжал путь, запасшись у него же провизией на дорогу. Днем я уже был в станице Убеженской у своего друга Грицька Озерова, где скрывался первое время. Затем жил в ауле у черкесов и в других местах, пока не встретил твоих разведчиков и, узнав от них, что в горах есть казаки и ты с ними, решил прийти сюда. Вот все, что случилось со мной с тех пор, как мы с тобой расстались.

— Чтож, добро пожаловать, дорогой. Здесь в горах места много, всем хватит. Бог хранил тебя, чтобы ты мог отомстить за погибших братьев и, если суждено умереть, то умереть казаком за волю Казачества.

*(Окончание следует)*

## Чужинец

# Борьба Яицкого Казачества за автономию в XVIII веке (до Пугачева)

Бурные влечения казачества на р. Урале в 1874 г., попытка группы землевладельцев придать казачьему движению организованный характер в 1878 г. — все это имело свои основания, свою предварительную историю.

Судьбы донского казачества подробно рассказаны в книге «Россия и Дон» С. Г. Сватикова, политическая история казачества на р. Урале еще никем не изложена.

Для целей нашей теперешней работы мы считаем долгом дать самый краткий обзор событий на р.

Урале в 18 в., ранее чем изложить подробнее историю борьбы местного казачества за областную автономию, за «особый образ служения» в 19 в. Между тем, не только на Дону, но и на Яике, переименованном в 1775 г. в Урал, казачество вынуждено было вести упорную и кровавую борьбу с имперской властью за свои вековые права. Казаки появились на Яике в 1570-х г.г., в 1586 г. они уже организовались в Яицкое Войско — простую непосредственную республику, а в социальном отношении в общину рыбаков.



Войско Яицкое было — по происхождению своему — колонией более крупной казачьей республики — Войска Донского. С Доном Яицкое казачество сохранило долгую связь и много десятилетий даже именовало себя «доно-яицким воинством». В 1690 г. атаман Зимовый (донской) станицы Фрол Минаев объяснял в Посольском Приказе: «Яицкие-де казаки издавна Донскому Войску в послушании и обо всяких делах меж себя пересылку имеют и больших дел безо всякого их права у себя не вершают, а присылают к ним на Дон»... Эта зависимость длилась до времени вхождения обеих казачьих республик в состав Российской Империи.

Предел международных сношений Войска Яицкого ограничивался «окрестными ордами»: Хивой, Киргизской Ордой, калмыками, башкирами и ногайскими татарами, а также казачьими Войсками.

Судьбы этой республики подобны судьбам Донской республики. Уже в 1591 г. она, признавая своим сюзереном Московского государя, посылает на Русь вспомогательные отряды и получает за то «жалованье». Подобно донцам, яицкие казаки, подвергаясь блокаде со стороны Московского царства при Годунове, и в 1630–1632 г.г., и в эпоху разиновщины.

В 1614 г. Москва сносится с Яиком через Посольский приказ. Яик является последним прибежищем атамана Ивана Заруцкого, его жены Марины Мнишек и «воренко», сына «Тушинского вор». В 1630–1632, во время «опалы» на Дон и Яик, яицкие казаки совершают регулярные нападения на Алатырский, Темниковский и Шацкий уезды, и вместе с донцами прекращают сообщение по Волге для московских судов. От начала и до конца разиновщины они поддерживают Разина. Через сто лет Пугачев является их прямым созданием.

21 дек. 1719 г. «службою и нарядами» — яицкие казаки переходят «в ведение» Иностранной Коллегии, а 3 марта 1721 г. Петр повелевает: «Донским, Яицким и Гребенским казакам быть во всех управлениях в ведении Военной Коллегии. Это — момент прекращения государственного бытия Яицкого Войска.

Но областная автономия Яика весьма широка до 1775 г., даже до начала XIX в. В середине XVIII в. сношения Яика с окрестными ордами все более ограничиваются: между ордами и Яиком становится Оренбургский губернатор, но Войско до 1775 г. принимает и посылает послов в Киргизскую Орду. В 1780 г. Землю Уральских казаков приписывают к Астраханской губернии, но по всем пограничным и военным делам яицкие казаки относятся к Уральскому и Симбирскому генерал-губернатору: сами они уже международных сношений не ведут. Впрочем, еще в 1717 г. казак Карташев доносит в Петербург на войскового атамана Меркурьева и на «старшинскую» партию, недовольную приближающимся концом независимости, что атаман Меркурьев искал союза против России у Хивы, куда посылал 4 юртовых татар, а «меркурьевцы» похвалялись: «мы-де и другую воду найдем»...

С 1723 г. начинается утверждение Императорской властью выбранных Кругом войсковых атаманов. Первым утвержденным атаманом является Григорий Меркурьев. При Анне его назначают уже пожизненным атаманом, что не мешает имперскому правительству сместить и арестовать его. 25 авг. 1740 г. повелено, чтобы Круг выбирал трех кандидатов в войсковые атаманы, а императрица будет утверждать одного из них. Интересно, как в 1755 г. Неплюев характеризует кандидатов в атаманы после смерти ат. Ильи Меркурьева. Он указывает на войскового старшину Андрея Бородину, замечая, что даже если бы Войско и отказалось избрать его, Бородину, в атаманы, то все таки «во всем том войске лучше Бородину, а за ним старшины Андрея Миронова и (войскового) писаря Суетины нет. Хотя они и придерживаются раскольническому учению, однако-ж они смышленнее и побострастнее(!) всех, и люди честные, а потому-то, только при помощи их, можно руководить войскам (!) и время от времени приводить его в благочестие, а инаково они (яицкие казаки) — народ сумасбродный

и к шалостям и вольностям склонный\*), а особливо в раскольническом плутовстве зараженный, так и для руководства своего ради (рады) себе подобного выбрать, который бы, кроме потворства их» (т. е. им Ч), «ничего не смыслил»...

К числу таких потворщиков Неплюев относил вождя «народной» партии войскового старшину Митрясова, который «Яко так не мужик сумасбродный и невежа безграмотный, больше всех в том раскольстве угрождает... Ежели б такового в атаманы вопрошить им удалось, то оное войско не только в лучшее состояние не можно будет привести, но со временем в подобное тому легкомыслие может дойти, как у них за время полковника Захарова было». Неплюев предсказывал прямое восстание Яика против России, пример коего уже был в 1723 г. при посылке от Военной Коллегии полковника Захарова для переписи казаков.

Как видим, центральное правительство, через ближайшего высшего представителя имперской власти, уже наблюдало за политическими настроениями автономной области, а местным партиям приходилось «выпрашивать» в Петербурге утверждения именно их кандидата в войсковые атаманы. Поддержанный оренбургским губернатором, Бородин был избран Кругом (в марте 1755 г.) в «наказные атаманы», а в июле 1755 г. утвержден в должности войскового атамана.

XVIII век наполнен жестокой борьбой на Яике между самовластием атаманов и многочисленной старшинской группы, с одной стороны, и рядовым казачеством, с другой. Все три элемента (атаман, старшины и казаки) неоднократно звали к императорской власти, вмешательство коей всегда вело к ограничению автономии и народоправства на Яике.

В 1763 г. посланный от Военной Коллегии на Яик для следствия об атамане Бородине ген.-м. Потапов счел возможным своею властью «лишить его чинов и атаманства на год» (!) и назначил «начальником Войска премьер-майора Романа Новокрещенова (не-казака).

В 1767 г. Военная Коллегия послала на Яик ген.-м. Черепова с деликатной миссией — примирить обе враждовавшие на Круге партии, чтобы они затем, с общего согласия, выбрали бы на Круге войскового атамана. По словам бывшего на Яике в 1775 г. гв.-полк. Потемкина, «его превосходительство мыслит весьма строительно: собрав Круг, читал он Войску указ», а когда Круг не захотел выбрать предписываемого им кандидата, Черепов пожелал принудить Войско к тому силою оружия. Окружив площадь собраний Круга («войсковой майдан») драгунами, он приказал дать по Кругу залп. Свообразное понятие о дипломатической роли примирителя политических партий было у этого генерала — примирить партии путем расстрела всего народного собрания в его целом. Тут было от чего яицким казакам притти в полное отчаяние от эдаких «миротворцев»).

Несомненно, непосредственное народоправство, при чрезмерном увеличении числа участников народного собрания, становится сперва затруднительным, а затем и невозможным. Приходится переходить к народному представительству, вручать законодательную власть собранию выборных депутатов. Но имперское правительство меньше всего думало о насаждении на Яике взамен непосредственного народоправства народного представительства.

Технически были, конечно, правы старшины, ко-

\*) Так описывал Неплюев республиканский образ мысли Яицких казаков. Ч.

\*) Мы знаем, что затем и Потапов, и Черепов попали на Дон: первый «за способность и по надобности пограничных мест» был назначен обер-комендантом крепости св. Димитрия Ростовского, арестовал войскового атамана Степана Ефремова и расправлялся со взбунтовавшимися донцами, а Черепов в том же 1773 г. тщетно пытался заместить своею персоной Ст. Ефремова, при чем, был изгнан донскими казаками из Черкасска при попустительстве атамана. См. Сватиков «Россия и Дон».

гда, в эпоху борьбы старшинской партии с народной, они доносили в Петербург на Войсковой Круг, что «в таком их самовольном крику никакого присутствия признать невозможно»... Агенты имперской власти делали вывод, что и автономную область надо реорганизовать по образцу других провинций, полицейского государства, коим была Россия в XVIII веке.

Вообще, приближение государства к границам Яицкого Войска уже грозило яицкой автономии. Еще в 1744 г. при назначении И. И. Неплюева оренбургским губернатором, Военная Коллегия в указе своем признавалась, что «о Яицком Войске, когда и как оно в здешних местах завелось, утвердилось и на каком основании содержится, обстоятельных известий (у Коллегии) не бывало и нет, что через одну переписку с тем Войском исправить весьма невозможно»...

Однако же В. Н. Татищев, стоявший во главе экспедиции для построения г. Оренбурга, еще в 1737 г. подал доклад «о беспорядках Яицкого войска». Он писал: «Старших у них чрезвычайно много, и выбираются большею частию люди безграмотные. По моему лучше им определить одного войскового атамана, двух есаулов, одного писаря, а у тысячу казаков — одного полковника или старшину. Так как казаков с захребетниками считают от 7 до 10 тыс. человек, то старшины не может быть более семи».

Отрицательно отнесся Татищев и к народоправству на Яике. «В Круг, — писал, — их (казаков) приходит множество, где и при слушании указов безчинство, брань и крик бывают, и часто случается, что атаман унять не в состоянии: не лучше ли исполнять указы в (Войсковой) Избе, а не в Кругу, атаману с есаулами и стршинами. Если же случится войсковое важное дело, то призывать сотников, а если будет дело о наряде войска или какое скорое объявление, тогда созывать в Круг и десятников, а всех не созывать, чрез что чины у них будут в большем почтении, а подлость в страхе». Таким образом Татищев ясно видел недостатки прямого народоправства, но хотел заменить его не народным представительством, а исполнительным органом расширенного состава (из чиновных), а рядовое казачество («подлость», т. е. низших) вовсе лишить каких либо политических прав.

Самый принцип народоправства был Татищеву противен. «Всего хуже, — писал он, — что они (яицкие казаки) никакого для суда закона и для правления уста не имеют, поступают по своевольтву, не рассуждая, что им полезно или вредно: по обычаю

за бездельные» (мало значущие) «дела казнят смертию, а важными пренебрегают»...

И другой высший агент метрополии, подступавшей к границам Яицкой колонии, отправленный для построения города при впадении реки Ори в Яик, ст. сов. Кириллов, по поводу необходимости укрепить власть России над башкирами, писал: «Все прежде бывшие в таких же своевольствах — Малая Россия — разорением Батурина, Яицкие казаки — (разорением) Качалина и других городков и неупуском (т. е. неупустительными. Ч.) за воровство казнями в надлежащее покорение приведены». Кириллов, сознательный централист, противник не только сепаратизма, но и автономии («самовольства») напоминал о том, как Петр I, после ухода гетмана Мазепы к Карлу XII шведскому, в 1708 году приказал разорить гетманскую столицу, гор. Батурина. А насчет казаков он путал Яицких казаков с Донскими в эпоху подавления булавинского восстания\*). Но это не важно: еще Оренбург не был и построен, а уже строителям новой линии крепостей, отделявших Башкирию от Средней Азии, казалась несносной автономия соседней Земли Яицких Казаков.

Идеи Татищева были осуществлены правителем Оренбургского края Неплюевым. По его проекту был учрежден в Яицком Войске «штат», а именно: учреждены 2 должности «войсковых старшин», которые, вместе с «войсковым писарем», должны были присутствовать при производстве всех дел войсковым атаманом. При атамане должны были состоять 2 «войсковых есаула». Весь «казачий корпус» разделен был на 7 полков по 500 ч. в каждом. На полк — один полковой старшина, писарь, есаул (полковой) и 5 сотников.

По тому же проекту войсковые Круги хотя и позволялось собирать, но согласия казаков предписывалось спрашивать только на одни их «домашние дела», о времени и месте сборов на рыбную ловлю и другие промыслы, о постройке и ремонте зданий и т. п.

По делам служебным и распоряжениям атамана, по силе высочайших указов или предписаний различных «команд» (высшего военного начальства), атаман должен был лишь «обязывать казакам в кругах через есаулов, не спрашивая мнения казаков».

\*) Соловьев, изд. 3-е, т. IV, стр. 1534.

(Окончание следует)

## ДУМЫ И МЫСЛИ

### ДУМЫ ВОЛЬНОГО КАЗАКА

Братья казаки! На нас лежит долг и святая обязанность подумать о судьбе Казачества.

Посмотрите кругом — что с нами делают враги Казачества? Неужели не всем понятна их цель, не понятно, чего они хотят от нас?

Во главе самого большого Войска стоит граф Граббе, человек с не казачьей кровью, в настоящем — русский патриот. Не буду говорить, как он выбран, вернее провозглашен, казачьей старшиной Атаманом.

В Белграде атаманом одной из казачьих станиц — Томбовский помещик В. Кутырин, выдающий себя за донского казака.

Во Франции во главе донской гвардии — ген. Оприц (тоже «казак»).

В Берлине — племянник графа, тоже граф, собирает казачий хор...

Правда, хорошее окружение? Как то будут себя чувствовать окруженные?...

Будто природных казаков нет на эти должности!

Этим же господам казаки нужны как пушечное мясо для спасения Единой-Недемылой. Эти господа поведут казаков куда угодно и на что угодно, но только не за казачьи интересы. Казачьих интересов для

них не существует. И, как пример этому, может служить приказ № 2, в котором гр. Граббе обещает поселить казаков в Африке. Уж не желает ли он, чтобы казаки превратились в диких туземцев и чтобы легче ими было потом управлять; тем более, что там — в Африке — некому будет разъяснять казакам Граббовские затеи. Из Африки легче будет послать казаков спасать Рассеюшку, т. к., измучившиеся, они на все согласны будут.

Поясняя приказ, представитель «атамана», полк. Краснов, просит казаков внести в казну по тридцати шести динар. Эти деньги, говорит, нужны на поездку «атамана» и хлопоты по переселению в Африку.

Правда, хорошо обделано?

Все это было бы смешно, если бы не было так горько и обидно за казаков, которые идут еще за Граббе. Я все таки верю в ум и сметку казачьи, верю, что все затеи графа провалятся.

Братья! Один наш путь — прямой в к. шлях в Казакую.

Один наш водитель — выбранный нами Походный Атаман.

Слава Казачеству!

ВВД полковник А. Ермаков (Югославия)

# Казачья эмиграция

## В. К. в Болгарии

### В ЛЕСКОВЦЕ

22 декабря прошлого года вольно-казачий хутор имени атамана Ермака в гор. Лесковец произвел переборы хуторского правления.

При тайном голосовании вновь избранным хуторским атаманом оказался подхорунжий Никита Савельевич Пискунов, хуторским писарем — казак Николай Евгениевич Ковалев, казначеем — казак Михаил Карпович Токарев.

В ревизионную комиссию избраны: казак Тихон Павлович Гарбуз и Василий Максимович Щепетков.

Вынесено следующее решение: хутор и впредь остается в подчинении Походного Атамана ВК.

Подлинный протокол о выборах подписали: хутор. атаман, писарь, казначей и все члены хутора.

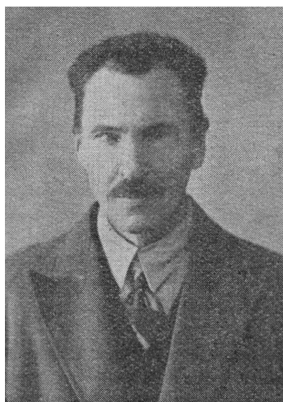
Хуторской писарь **Н. Ковалев**

## В. К. во Франции

### † И. И. СТОРЧАК

18 ноября покончил самоубийством полковник Иван Иванович Сторчак, казак ст. Камышеватской, Кубанского Войска, 56 лет от роду.

В оставленных им письмам своим близким он пишет, что решил покончить с собою. В письме ко мне покойный сделал указания, как нужно поступить с его



оставшимися вещами и, кроме этого, просит на могиле его поставить крест с надписью: «Казак, полковник Иван Сторчак. 23-1-1879 г. — 18-11-35 г.»

С началом мировой войны, с первых ее дней, покойный назначается командиром 3-й батареи 1-го Кавказского артиллерийского дивизиона, с которым участвует во взятии Эрзерума. 17 марта 1916 года был тяжело ранен (пулевое ранение в живот).

После этого ранения Тифлисской медицинской комиссией покойный причислен был к инвалидам 3-й категории, а в Феодосии в сентябре 1920 г. — к 4-й категории. Был одно время исполняющим должность воспитателя Владикавказского корпуса. В войне казаков с красной Москвой — начальник хозяйственной части Кубанской артиллерии. Как мы все, пернес всю трагедию эвакуации. Лемнос, Сербия и, наконец, Франция. Здесь состоял в рядах ВК хутора в Б...

Вследствие тяжелого ранения, о котором сказано выше, его здоровье окончательно было сломлено тяжелым трудом на фабрике, которую он не оставлял почти до последнего дня своей жизни.

Только 31 декабря нашли в лесу тело Ивана Ивановича. Покончил с собою, выстрелом из револьвера. 3 января похоронили на местном городском кладбище.

На похоронах присутствовали в полном составе правление хутора и несколько его членов. Многие же казаки не могли быть на похоронах лишь потому, что поздно было получено извещение местных властей о времени похорон, о котором трудно было сообщить.

На гроб было возложено три венка. Один от хутора вольных казаков с лентой Казакии. Другой от близкого знакомого с лентой Кубанского Войска и третий — от рабочих фабрики, на которой он работал.

Итак еще прибавилась одна могила на чужбине вольного казака. Бельфорский хутор вольных казаков понес большую и не заменимую утрату.

Ушел от нас прекрасной души человек и большой казачий патриот, который глубоко верил в национальное возрождение Казачества и в создание своего государства Казакии.

Пусть же спит спокойно дорогой соратник в чужой земле. Мы, оставшиеся в живых, навсегда сохраним о нем светлую память.

Нужно ли нам, оставшимся, задуматься над могилой дорогого Ивана Ивановича? Скажу — нужно. Лишний год нашего пребывания на чужбине — лишние потери. А чтобы их было меньше, все казаки должны и обязаны стать в ряды вольных казаков для скорейшего освобождения Казачества и создания своего государства Казакии. Только в своем государстве мы обретем духовную и моральную поддержку.

Атаман хутора **И. Тищенко**



Молодая в. казачка Вера Линникова (дочь казака ст. Степной ККВ Даниила Петровича Линника) поздравляет всех казачат с Новым Годом!

## ЕЛКА ДЛЯ КАЗАЧАТ В КРЕЗО

1-го января, как и в прошлом году, наша станция устроила елку для своих детей. К четырем часам дня все собралось в зале «Бар дю Солей», где их ожидала убранная елка.

Зажгли свечи. Станичный атаман **М. Белов** поздравил всех с Новым Годом и пожелал нам сил и здоровья, чтобы так же твердо шли мы к намеченной цели — освобождению наших родных Краев от красных и белых оккупантов и созданию единого казачьего государства — Казаккии.

После него один из старых кубанцев от имени детей благодарил тех, кто пришел к нам на помощь для устройства этого детского праздника своими пожертвованиями или трудами, особенно станичников: **Уткина, Воробьева и Куца**. Благодарил станичников он также за то, что они воспитывают своих детей истинными патриотами, которые сменят нас, как мы сменили наших отцов, и которые, возвратясь в наши родные Края, будут там постоянными хозяевами. Закончил он свое слово, рассказав прекрасную легенду о происхождении самого праздника детской елки.

Дети много кружились и танцевали вокруг елки, а Сережа Павлов, Митя Воробьев, Витя Воробьев и Шура Морозов продекламировали стихи наших в.-к. поэтов. Привела всех в восторг 4 летняя Нюрочка Влаसेвич, очень выразительно продекламировавшая:

«Я маленька дівчинка,  
Спідничка рябенька,  
Черевички корнові.

Будьте з праздником здорові.»

К сожалению, казаченок Митя Горелов находится в госпитале, но ему и туда были посланы сласти и игрушки.

Когда догорели свечи, дети получили подарки и были угощены чаем.

Закончился вечер казачьими песнями, танцами и стаканом вина.

Праздник прошел оживленно и очень весело.

Ст. писарь **Б. Фурса**.

## В. К. в Югославии

### ВЕЧЕР ВОЛЬНЫХ КАЗАЧЕК

Кружок союза в. казачек имени Галины Булавиной в Крагуеваце 21 декабря прошлого года в кафане «Златибор» устроил вечер в пользу бедных в. к. детей и для нужд самого кружка (для оказания помощи в неотложных случаях).

За неделю до вечера хлопотами председательницы кружка **Д. Билоусовой** и писарши **Л. Картамышевой** было получено от властей разрешение на устройство вечера. Двумя днями раньше трудами членов кружка и членов в. к. станицы была большая половина билетов уже распродана.

21 декабря, в 6 час. вечера, начали постепенно подходить гости, которых принимают председательница кружка и писарь в. к. станицы **А. Пальчик**. К семи с половиной часам зала была переполнена.

Ровно в 8 час. вечер открывает 9 летний казак **А. Билоус**, одетый в казачий национальный костюм. Выходит он на середину залы, раскланивается, просит у публики минутку внимания; затем подымает руку, дает знак музыкантам. И дошел молодой казак доказывать, что он действительно козацкого рода. Кончая танец, раскланивается на все стороны, а ему навстречу несутся бурные аплодисменты... Публика не хотела успокоиться до тех пор, пока не вызвала его еще два раза на повторение, а в третий раз в помощь малышу выступил и помощник ст. атамана **А. Горский** и станцовали они лезгинку, что тоже весьма всем понравилось.

После этого начались танцы, которые продолжались до часу ночи. Ровно в час ночи был разыгран великолепно приготовленный поросенок. На эту лотерею записалось 52 человека, каждый уплатил по 2 динара за свой номер. Выходит комиссия в три человека на середину залы и приносит в двух шляпах билеты. Все с большим нетерпением ожидали, кому же достанется выигрыш. Долго тянули шары, но все пустые и, наконец, 88-й номер выигрывает; хозяйка этого номера, **Р. Симонович**, получив выигрыш, делит его на несколько тарелок и подносит гостям.

После лотереи опять возобновились танцы. Поздней ночью председательница кружка закрывает бал и выражает сердечную благодарность всем присутствовавшим гостям за поддержку дела кружка.

Слава Казачеству!

### ПЕРЕВЫБОРЫ В КРУЖКЕ

28 декабря 1935 г. Кружок союза в. к. имени Галины Булавиной в г. Крагуевце, собравшись на собрание в квартире казначейши **Д. Духнаевой** в числе 7 членов под председательством соревновательницы **Д. Наумович**, производил очередные перевыборы правления. Избранными большинством голосов оказались: на должность председательницы — **Д. Билоусова**, писаршей — **Л. Картамышева** и казначейшей — **А. Пальчикова**.

**А. Пальчик**

### В ПАНЧЕВО

29 декабря 1935 г. состоялось общее собрание Панчевского ВК хутора имени К. Л. Бардижа. Открывая собрание, хутор. атаман **Р. П. Евсюков** поздравил хутор с трехлетним существованием, потом просил крепко поддерживать хуторскую семью и везде и всегда соблюдать в. к. интересы.

После этого атаман предложил собранию почтить вставанием и одной минутой молчания память казака патриота, бывшего атамана Чуругского в. к. имени атамана Каледина хутора Кондрата Яковлевича **Титова**.

Ответом присутствующих было: слав ему и вечная память...

Приступили к выборам председателя и секретаря собрания. Единогласно председателем избран **Р. П. Евсюков**, секретарем **М. И. Махно**.

В первую очередь слово было предоставлено рев. комиссии, в которой состояли: предс. **А. Ф. Зотов** и члены: **И. П. Чернов** и **М. И. Махно**. По проверке годового отчета хут. казначей, приблизительно оказалось все в порядке. Но т. к. детальная проверка требует много времени, то ревизионная комиссия отложила окончательную проверку, чтобы сделать ее в более свободное время.

По окончании отчета, приступили к выборам хуторского правления. Хутор. атаманом на 1936 год единогласно был избран Роман Петрович **Евсюков**. Писарем, большинством голосов, избран Евтихий Дмитриевич **Костюченко**, мл. ур. ст. Сергиевской. Казначеем избран старый Николай Ар. **Климов**. Доверенными (они же рев. ком.) остались те же **А. Ф. Зотов** и **И. П. Чернов**.

По окончании выборов собрание благодарило **М. И. Махно** за его трехлетнюю службу хут. писарем и вообще за работу на пользу ВК движения.

В заключение хуторской атаман просил всех членов хутора вносить регулярно каждый месяц 2-х динарный взнос в окружное правление.

На этом хуторское собрание было закрыто в 10 часов вечера.

Хуторской атаман **Р. Евсюков**  
Писарь **Ев. Костюченко**

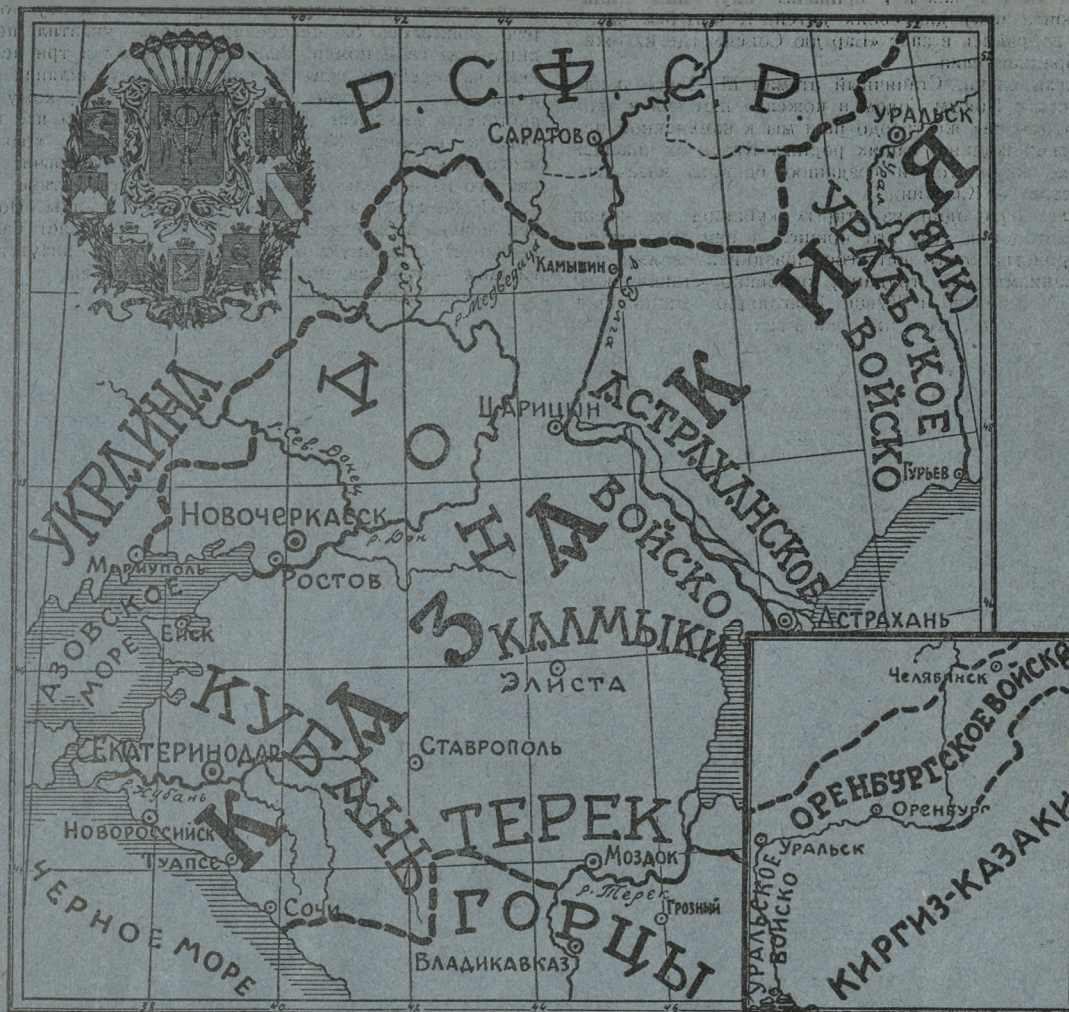
### К СВЕДЕНИЮ ВОЛЬНЫХ КАЗАКОВ В ПОЛЬШЕ

4 декабря прошлого года надлежащими властями Польской республики зарегистрирован статут «Союза Вольного Казачества в Польше».

С этого момента вольные казаки в Польше получают возможность провести правильную организацию на местах и создать объединение всех организаций в один ВК Округ.

Пока, пользуясь статутом, следует оформить существование организаций на местах. О времени создания Округа будет объявлено особо.





## Продолжается подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

# ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО — ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

| Условия подписки:          | на 6 мес.: | на год:  | цена отдельного номера: |
|----------------------------|------------|----------|-------------------------|
| Во Франции .....           | 30 фр.     | 60 фр.   | 3 фр.                   |
| В Чехословакии .....       | 40 кч.     | 80 кч.   | 5 кч.                   |
| В Болгарии .....           | 100 лева   | 200 лева | 10 лева                 |
| В Румынии .....            | 100 лей    | 200 лей  | 10 лей                  |
| В Польше .....             | 10 зл.     | 20 зл.   | 1 зл.                   |
| В Германии .....           | 5 мк.      | 10 мк.   | 0.50 м.                 |
| В С. Америке и др. странах | 2 долл.    | 4 долл.  | 0.20 долл.              |

За перемену адреса следует присылать: во Франции 1 почтовую марку за 90 с., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: М. I. Bilyi, 10, rue Victorien Sardou — Paris (16)